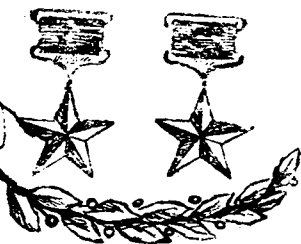

К. КОНИЧЕВ

МАСТЕР ТОРПЕДНОГО УДАРА

ОГИЗ
АРХАНГЕЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

194786

Вологодская
обл. Битовское
отд. Земляна акт

Арх.-он
К. Маджаров.

Они идут не славы ради,
Но славу громкую творят
И, не мечтая о награде,
Приходят к высшей из наград.

А. Твардовский.

Война принесла тяжелый ущерб социалистическому отечеству. Пройдут годы, когда окончательно будут залечены раны, нанесенные войной. Пройдут века, но победа русского оружия над извергами человечества не забудется потомками, не затмится временем и событиями грядущего.

„Война кровь пьет“,

„Всякая война от супостата“,

„Легко про войну слушать, да тяжело ее видеть“ —
говорят русские народные поговорки.

И еще говорят:

„Война родит героев“.

Надо добавить: герои войны рождаются в стане справедливо воюющих за свою свободу и независимость.

Об одном из них — дважды Герое Советского Союза Александре Осиповиче Шабалине, уроженце Онежского района Архангельской области, о замечательном мастере торпедного удара — и будет наше краткое повествовательное слово.

Страна должна знать своих героев.

1. НАЧАЛО БИОГРАФИИ

В биографии товарища Шабалина нет ничего необычного. Родился он в первый год империалистической войны в деревушке Юдмозеро, в двадцати верстах от Белого моря, в сорока пяти — от уездного города Онеги, раскинутого по берегу реки того же названия. Детские годы провел в деревне. Отец малолетнего Саши Осип Захарович, опытный сплавщик, только в зимнюю пору, да и то недолго, находился дома. Весной и летом он орудовал багром на сплаве. Онежане — ловкие и бесстрашные сплавщики. Посмотрите когда-нибудь на них со стороны: даже страшно станет. В бурное онежское половодье, стоя на бревне с багром в руке, любой из них смело плывет по течению или пересекает реку где заблагорассудится, спокойно покуривая корешковую трубку и перекликаясь с кем-либо во весь голос. Работают они ловко, бойко; везде и всюду на всех реках Севера онежские сплавщики пользуются уважением.

Таким работягой и ловкачом был и отец Шабалина Осип. Не часто приходилось Саше видеть его в свои детские годы. Рос он без отцовской ласки.

У матери, Марины Сергеевны, — степенной деревенской женщины-северянки — в кованом сундуке хранились старомодные наряды, шитые жемчугом, собранным со дна речушек, впадающих в Белое море.

Быть может раз-два в своей жизни она наряжалась в красивые самобытные одеяния — старой северной заонежской моды.

Но не этим богата Марина Сергеевна. Щедра и богата она материнской лаской для своих деток — Саши, Миши и Пети. Хватало у Марины добрых слов, присказок, побасенок и песенок для потехи ребят и убаюкивания их перед сном. Качая на скрипучем „очепе“ люльку с меньшаком Петей, она напевала монотонную, усыпляющую „Уточку“:

— Уточка лесовая,
Где ты ночесь ночевала?
Там, там на болотце,
За Онего-рекой на заводце.
Шли мужики да из леса,
Высекли по пруточку,
Сделали по гудочку.
Вы, гудки, не гудите,
Детоньку не будите...

Не дотянув до конца свою колыбельную, Марина примечала, что ее детонька начинал смыкать глаза, и она шопотом подзывала к себе Сашу:

— Иди, качай братишку, а у меня дела по горло. Охрботье надо постирать, корова где-то в поскотине от стада отстала, запропастилась...

— А я лучше за коровой схожу, — говорил Саша, как и все юдмозерские ребяташки, не любивший сидеть в избе. Но мать говорила, что в поскотине могут быть волки, и тогда...

— Нет уж ты лучше водись с братенькой, а я схожу за коровой.

И она уходила по хозяйским делам то туда, то сюда до самого заката.

Изредка семью Шабалиных навещал Сашин дядя Федор Сергеевич Валявкин, потомственный помор и зверобой. Плечистый, крепкий и сильный на руку, бойкий на слово, он приносил с собой много веселья. Ребятам дарил он причудливые морские раковины. Рассказывал увлекательные истории о своих похождениях в студеное море; о зубастых и прожорливых акулах, о хитроумных белых медведях — тюленьих кровососах; о моржах, которых можно бить только насмерть, иначе они способны клыками зацепиться за карбас и утопить зверобоев. Рассказывал Сашин дядя и о чуде рыбы-кит, которое трудно теперь в море встретить, однако случается, что во время бурного прилива зазевавшегося кита вышвырнет буря-падера на мель. Начнется отлив, кит останется на суше и бывает, что бедняга лопается на берегу от собственной тяжести. Тогда прибрежные жители делают тысячепудовую тушу и делают из кита мыло, годное для стирки...

И всегда Федор Сергеевич, с кем бы ни беседовал о море, сопровождал свой разговор обилием поговорок и пословиц:

— Эх, Сашук, Сашук, мал ты, молоденок. Рано еще тебя в море брать. А вот подрастешь, отобью я тебя от отца твоего! Много ли на реке да на бревнах простору? Тьфу! То ли дело морское! Слыхал, что старики про море бают: море — великое поле, тыном его не разгородишь, песком не засыплешь, веслом не расплещешь, камушком не перекинешь и на бревне не переплывешь. Море, что человеческое горе, никогда его до дна не выпьешь; сколько хошь пей, всем

еще глнуть останется... В море глубины, а в людях, говорят, правды не изведает. Но я скажу, что самые дружные люди только в морских плаваниях встречаются. Там всегда один за всех, все за одного. В море бывает щепка дороже, чем конь на суше. Утопающий, говорят, и за соломинку хватается. Но ты расти-вырастай и не бойся стать моряком. Не жди горя от моря, а беды из воды. Море храбрых любит, почет дает...

Дядины слова нравились Саше, они будили в нем любовь к морю и вызвали желание быть похожим на крепыша дядю Федю, видавшего виды и не знающего ни страха, ни ужаса. Подражая ему, Саша ходил враскачку, заложив руки в карманы штанишек, и старался быть во всем похожим на дядю.

Однажды Саше посчастливилось побывать в Онеге. Этот деревянный город с двумя лесопильными заводами, с иностранными лесовозами у причалов, с туманным бесконечным взморьем, произвел на него неотразимое впечатление. Онега не чета деревушке Юдмозеру, запрятанной вдали за перелесками. Здесь — средняя школа, кино, клубы; отсюда уходят корабли в Архангельск и за границу, и на рыбную ловлю, и на зверобойные промыслы. На двенадцатом году Шабалин поступает учиться в онежскую семилетку. И с этого времени — прощай Юдмозеро!

А потом, когда учеба в онежской школе подходила к концу и надо было Саше Шабалину выходить в люди, дядя Федор Сергеевич напомнил о себе. Он в то время промышлял на тральщике около Мурманского побережья. Федор писал Сашину отцу и своей сестре Марине, чтобы они без боязни отправляли сынишку в Мурманск, где — только шевелись — работы сколько угодно. Саша едет в Мурманск. Перед ним путь в будущее, такой же широкий и неизведанный, как море. Саша надеется на заботливого дядю и, уверенный в своих силах, решает стать мореходом-промышленником. С чего начинать шестнадцатилетнему подростку? Для таких на морской службе всегда одна начальная должность — быть юнгой.

В памятный осенний дождливый понедельник Федор Вальявкин шел со своим племянником на корабль. Саша с любопытством озирался по сторонам, восхищался стройным проспектом Сталина, многоэтажными домами, высокими скалами, окружающими заполярный город. Мурманск показался

ему настолько хорошим и приветливым, что у Саши родилась мысль навсегда остаться в нем и жить как дядя Федор.

Корабль, на который привел Федор Валявкин племянника, назывался странным именем „Краб“ и одновременно, по каким-то соображениям, значился еще под № 5. Это был посредственный рыболовный тральщик, труженик холодных морей, насквозь и навечно пропахнувший рыбой и тюленьим жиром. „Краб“ со всем его сложным хозяйством, требующим умения, сноровки и трудолюбия, стал для Саши Шабалина своим, близким, родным. И люди на судне были не плохие; они относились к новичку снисходительно и покровительственно. Юнга Шабалин — кандидат в матросы — от каждого из старших товарищей видел поддержку, слышал добрые советы и становился для матросов хорошим помощником.

Ловили треску и морского окуня. Этой рыбой Баренцево море богато. В благоприятную погоду „Краб“ быстро заполнял трюмы рыбой и приходил на разгрузку в Мурманск.

У Саши выбиралось свободное время. Его привлекал клуб моряков, где можно было видеть заправских матросов, обветренных, бронзовых от загара. Эти люди, о которых Саша думал с глубоким уважением, побывали во всех заморских портах от Мурманска до Сингапура и Сан-Франциско. В кафе-ресторане, в сизом табачном дыму, за пивной кружкой было чего рассказать этим людям о своих странствованиях по белу-свету и было чего у них послушать. Они рассуждали и о суровой Арктике, где опасность подстерегает мореходов, и о далеких краях, где в солнечных портовых городах трудятся грузчики. Иногда в клубе моряков слышится иностранная речь. Моряки понимают друг друга, дружелюбно чокаются кружками, и звучит шотландская застольная песня на смешанных языках и слышатся аплодисменты одних и свист других, свист, означающий одобрение, вызов к шумному, широкому веселию. И вдруг в этот свист врывается шуточная песня архангельских моряков, и многие, покачиваясь за квадратными столиками, подхватывали на разные голоса:

В Архангельском порту —
С досками на борту
На судне прибирали такелаж.
Но прежде чем уйти
На Диксон, моряки
Решили погулять еще хоть раз.

Идут сутулятся
Поморской улидой,
И клёши новые ласкает ветерок...

Слова веселой песенки сопровождает не менее веселый аккомпанимент сборного джаз-оркестра.

Отдыхающие моряки всяк по-своему коротали время в заполярном портовом городе.

В том же здании, где весело проводили время архангельские, мурманские и всех стран моряки, был клуб и богатая читальня. Сюда нередко заглядывал Шабалин.

Службу морскую он признал своим родным делом. Только надобно расти, не топтаться на месте. В люди, так в люди!.. Восемь месяцев он плавал юнгой — послушным и исполнительным, ловким и увертливым и доказал, что после такого короткого срока он может стать матросом.

Два года на рыбацких промыслах Александр Шабалин провел в должности матроса. Много пришлось испытать и перенести бурных пугин в Баренцовом море. Иногда шторм играл судном, легко бросая его по гребням пенистых волн. Холодные брызги хлестали через борта и ледяшками застывали на такелаже, плотно прикрепленном на палубе выносливого тральщика.

Два года службы матросом не пропали даром: Александр по-настоящему возмужал, со всех сторон познал черновую работу моряка-рыболова, но останавливаться на этом не хотел. Дядя Федор Сергеевич советовал учиться, и отец из Юдмозера писал о том же:

„Сашка, ежели есть возможность, учись на капитана. Да, я знаю, что моряки любят погулять и повеселиться, так ты гулять-то гуляй, но дела не забывай. Мне самому раньше отец говаривал: сегодня гули да завтра гули, смотри, чтобы в лапти не обули! И я слушался старика. Сам вырос, а вот теперь и вас — троицу ребят — в люди вывожу. Так вот я и тебе говорю, — держись, Сашка, чтоб гули-гуляшки не оставили тебя без тельняшки. От моря я тебя не отговариваю, ступай по этой линии, и мать тоже согласная на это, хоть и тоскует по тебе очень“...

После двухлетней службы матросом на тральщике Александр поступает в Мурманский морской техникум.

Через два года из морского техникума Шабалин вышел подтянуый, плотный и жизнерадостный: в кармане путевка

с назначением его на тральщик „Ваер“ на должность штурмана. Это уже не юнга и не матрос. А ему только двадцать один год. Хорошо быть штурманом в этом возрасте! Хорошо стоять на капитанском мостике, вскидывать к глазам бинокль и всматриваться в далекий горизонт, где море и небо смыкаются, сливаясь одно с другим. Хорошо чувствовать себя специалистом вождения корабля на морских просторах, в поисках рыбьих косяков и, найдя их, закидывать в море траловые сети и видеть на палубе корабля десятки тысяч трепещущих зубаток, жирных и неповоротливых палтусин и обилие трёски.

Штурман должен знать не только свой корабль, он должен и погоду предвидеть и знать хорошо море со всеми его капризами и неприятностями; в тумане определить широту и долготу и место судна и правильно проложить курс, чтобы не сбиться с пути и не столкнуться с подводными камнями. Море не терпит зевак.

С судном „Ваер“ неприятностей не случилось. Да и некогда было им случиться при молодом штурмане. Едва Александр Шабалин успел привыкнуть к новой службе, как повестка из военкомата изменила его судьбу: он стал рядовым моряком Балтийского флота призыва 1936 года.

2. НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Грохочущий поезд, увлекаемый мощным электровозом, мчится из Мурманска, мимо заполярных сопок, полуголых, с весьма скудной растительностью. Суровый заполярный край. Затем идет не менее суровая Карелия, про которую поэт-декабрист Федор Глинка, будучи здесь в царской ссылке, писал:

В глуши безлюдья своего
Сей край порадует кого?..

Время советского строя неузнаваемо изменило лицо здешней земли. И поэт Глинка нашел бы теперь другие слова о местах, где заполярная порожистая река Нива снабжает электричеством всю железную дорогу от Кандалакши до Мурманска; где по указанию великого Сталина и по инициативе незабвенного Сергея Мироновича Кирова в годы второй Сталинской пятилетки вырастали то там, то тут корпуса комбинатов и целые города.

Из Ленинграда, сквозь марево тумана, на небольшом пассажирском пароходе призывников доставили в Кронштадт. Город-крепость, основанный еще Петром Первым на острове Котлин, своеобразен прежде всего тем, что он, оторванный со всех сторон от материка, кажется словно погруженным в Финский залив и издали, от Ленинграда и даже с более близкого побережья — ораниенбаумского, чуть-чуть заметно маячит в корабельном и заводском дыму.

Призывников разместили в светлых и опрятных казармах; всех знакомых и незнакомых с морской службой зачислили в учебный отряд проходить строевую подготовку. Для бывшего штурмана Александра Шабалина на первых порах это было не очень интересно. Но служба есть служба. На службе нет отговорок. Военная дисциплина превыше всего. Он вспомнил наставления своего дяди Федора, всегда участливо относившегося к его воспитанию.

Дядя Федор, старый морской волк, человек бывалый, еще в Мурманске говорил в напутствие своему племяннику:

— Надеюсь на тебя, Сашук, будешь правильно служить, не придется тужить. Запомни: кто ветром служит, тому дымом платят...

Как не запомнить такие слова житейской мудрости?

Служба Александру Шабалину не казалась тяжелой. Военная дисциплина тоже была по плечу.

На третьем месяце строевая подготовка подходила к концу, а дальше куда-то должны определить на корабль.

Однажды Шабалин с товарищами в выходной день осматривал Кронштадт. С ними ходил старый флотский командир и охотно показывал исторические места.

Призывникам, в том числе и Шабалину, было интересно знать историю этого города, и они внимательно слушали пояснения старшего товарища, прекрасно знавшего прошлое города-крепости.

На одной из улиц, перед высоким белым каменным зданием, Шабалин впервые увидел памятник знаменитому мореходу, исследователю Новой Земли Петру Пахтусову. И то, что Пахтусов был земляк-северянин, выросший в Сольвычегодске и Архангельске, и то, что он стоял бронзовым изваянием во весь рост в форме морского офицера, держа в правой руке карту Новой Земли, — все это северянину Шабалину пришлось по душе. Он обошел вокруг памятника, рассматривая его внимательно со всех сторон. О героях-поляр-

никах Пахтусове, Седове, Русанове и других Александр узнал из прочитанных книг и лекций, слушанных им в мурманском морском техникуме. Поэтому, когда гулявшие с ним по городу моряки хотели было пройти, не замечая фигуры знаменитого полярника, он остановил их.

— Товарищи, будьте почтительны, это мой земляк, северянин, истинный труженик и герой моря и науки. Кто не читал о нем, почитайте...

И моряки обступили монумент, огражденный якорными цепями. На пьедестале из серого гранита — бронзовые барельефы флагов, якорей и мореходных инструментов и с трех сторон надписи: „Польза“ — „Отвага“ — „Труд“.

Шабалин невольно сложил начальные буквы этих слов.

— Пот, — проговорил он, с размышлением взирая на вылитый, застывший в бронзе облик Пахтусова, — Пот! Да, без пота никакое серьезное дело не дается. Польза, отвага, труд — этими словами много сказано! Вот на таких людей надо быть похожим. Уж если идти по морской линии, так надо идти бесповоротно и отдаваться этому делу полностью, без остатка...

Это решение было искренним и твердым. После окончания строевой подготовки Александра перевели из учебного отряда в команду торпедных катеров.

Было начало 1937 года. Шабалин присутствует на первой лекции-беседе.

Преподаватель, с позолоченной нашивкой на рукаве черного с открытым воротом френча, непринужденно и уверенно, вероятно не первый раз, ведет вступительный разговор о торпедном катере и его боевом значении. Тишина. Слышно, как моряки шуршат карандашами, записывая в учебных тетрадях данные о грозном малютке, о самом маленьком боевом суденышке. Сегодня они изучают историю возникновения и развития торпедного катера.

— Впервые катеры-подрыватели, — говорит преподаватель, — появились в русско-турецкую кампанию 1877 года. Тогда их называли минными катерами. Они были приспособлены для атак. Сначала их вооружали миной, насаженной на длинный шест. При такой, с позволения сказать, технике, не без риска для своей жизни, первые русские минеры топили в Черном море вражеские суда. Потом появилась „самодвижущаяся мина“ — мать современной торпеды — и вместе с ней — специальный быстроходный катер. В империалисти-

ческую войну итальянцы успешно пользовались торпедными катерами против австрийского флота.

— В августе 1919 года англичане перебросили в Финский залив девять торпедных катеров. Финляндия, получившая тогда от Советской России право самостоятельности, оказалась в зависимости от Антанты и предоставила в Бьорке и Териоках базы для английских торпедных катеров, и вот рано утром 17 августа налетели английские самолеты и сбросили несколько бомб на наши суда, стоявшие здесь в Кронштадтской гавани. После авианалета, через пятнадцать минут, семь английских торпедных катеров проскочили между фортов, стремительно ринулись на Малый Кронштадтский рейд со стороны Ленинграда. С эсминца „Гавриил“ открыли по ним огонь. Все же три катера прорвались в гавань и утопили наше военное судно „Память Азова“ и повредили линкор „Андрей Первозванный“. Но и наши моряки не остались в долгу: из семи катеров пять было уничтожено благодаря метким выстрелам с эсминца „Гавриил“... Ну, это записывать в тетради не обязательно, а помнить не мешает, — говорит преподаватель. — Главное, надо знать торпедный катер, его устройство, его вооружение, особенно торпеду, и уметь управлять всей системой механизма на этом небольшом и быстроходном судне, чтобы в будущем, когда случится война, враг мог бы почувствовать на своем хребте силу наших торпедных ударов...

Шли дни за днями. Александр Шабалин старательно, с упорством изучал торпедный катер и торпеду. На первых порах учебы у него была цель стать боцманом катера. И этого он добился в срок, потому что и по физическому складу, по выносливости и быстрой сообразительности и по всем другим требованиям он вполне подходил к этой ответственной службе и, взявшись за дело, не уклонялся от трудностей, а преодолевал их со всей настойчивостью.

Он стал боцманом на катере, на котором была дружная, спаянная команда из семи человек. А дружба, тесная спаянность — один за всех, все за одного — на торпедном катере одно из важнейших и самых необходимых условий, ибо малейшая оплошность одного из личного состава может повлечь за собой трагические последствия. В обязанности боцмана Шабалина входило немало дел и забот: он был ответственным за вооружение и за все имущество на катере. Кроме того он сигнальщик и наблюдающий за чистотой и порядком.

Было приятно проходить учебную практику на блестящем, быстром суденышке.

Вначале, когда во всю мощь моторов катер, поднявшись носом над поверхностью моря, с невероятной быстротой, как пущенная стрела, проносился по волнам, — с непривычки к такому ходу у Шабалина захватывало дух и в то же время он испытывал наслаждение и радовался сердцем, что выбрал службу по себе. Об этом Александр с удовлетворением писал из Кронштадта своим родителям в онежское Юдмозеро и старому моряку дяде Федору.

Боевую подготовку кронштадтские катерники проходили в водах Финского залива. В Прибалтике хозяйничали капиталистические правительства. Но и в тесных водах Финского залива было где развернуться торпедным катерам, имеющим ограниченный радиус действия.

Торпедный катер — оружие ближнего боя — так говорится в учебных пособиях. Каждый катерник должен быть хорошим физкультурником, уметь отлично плавать, стрелять из пулемета, иметь острый слух и зрение.

Мало того, что каждый моряк на катере должен безукоризненно знать свои обязанности, изучить тот или другой порученный ему механизм; ввиду малочисленности команды на катере, каждый катерник, в случае нужды, должен заменить своего товарища, а для этого надо уметь делать все необходимое по всем специальностям: сигнализировать флагами, семафором и аккумуляторным фонарем; уметь стрелять из пулемета; уметь подавать концы при швартовке, уметь обращаться со стартерами, чтобы в экстренном случае пустить мотор. Уход за катером от малейшего винтика до самого сложного механизма моторов и торпеды тоже требует умелого и любовного отношения.

Морская военная служба на катере мало оставляла свободного от занятий времени. Нередко Шабалин вспоминал о Мурманске, о своих друзьях на тральщике.

Однажды от боцмана торпедного катера Шабалина поступил начальству рапорт с просьбой перевести его в Мурманск на службу в Северный флот. И там есть катеры, и там нужны боцманы; к тому же Полярное море бывшему штурману тралового судна известно вдоль и поперек.

В звании старшины, или катерного боцмана, Шабалин приехал в Мурманск. Теперь он уже стремится заслужить первое офицерское звание, учится самостоятельно водить

катер; на учебных стрельбах торпедой получает отличные оценки. А чтобы пускать по движущейся цели торпеду, нужно иметь сноровку и расчетливость.

Торпеда, гладкая, отполированная, похожая на огромную сигару, притаившаяся в кормовся части катера, представляет собою хитрое сооружение, способное, при удачном выстреле, разорвать пополам транспортное или военное судно среднего типа и может вывести из строя даже линейный корабль.

Из специального жолоба торпеда выбрасывается сжатым воздухом. Она вылетает из аппарата хвостовой частью вперед. Упав в воду за кормой, торпеда начинает движение вслед за катером. Облегченный катер, сделав свое дело, быстро разворачивается и уходит.

Торпеда движется к цели своим ходом. Ее двигает установленный внутри механизм, работающий с помощью сжатого воздуха или же энергии аккумулятора. Вертикальные рули заставляют выпущенную торпеду идти по направлению, которое намечено командиром-наводчиком при выстреле; горизонтальные рули удерживают ее на заранее установленной глубине. Взрыв происходит при столкновении с препятствием. Многопудовый заряд взрывчатки, заложенный в головной части торпеды, производит взрыв большой разрушительной силы.

Сказанное здесь в нескольких сухих словах о торпедѣ и ее действии в теории и на практике выглядит не так просто. Требуются месяцы и даже годы длительной и упорной учебы и тренировки, чтобы заставить это оружие быть послушным. А послушным оно может быть только в руках опытного командира катера — мастера торпедного удара. К этому и продолжал в третий год своей военно-морской службы стремиться Александр Шабалин, и неизменно каждый раз на учебных стрельбах его торпеды попадали в цель. Всестороннее знание катерной службы скоро позволило ему стать офицером и командиром катера. Было это в мае 1939 года.

Через полгода — война с Финляндией. Флотом Финляндия не особенно богата, поэтому торпедные катеры Северного флота в морских схватках не участвовали.

Но Александр Шабалин не находился без дела. Командование, как бывшего штурмана решило направить его на транспортное судно. Корабль Шабалина в числе дру-

гих судов в холодную зиму до февраля 1940 года находился в непрерывном плавании, перевозил войска и грузы.

А потом снова Шабалина отозвали на свой катер, к которому за прошедшее лето он успел привыкнуть и где подружился с командой хороших, исполнительных и аккуратных ребят.

Стояли тогда в главной базе.

Однажды, осматривая катеры (а осматривали их часто и тщательно), комиссия нашла, что они нуждаются в капитальном ремонте. Александру Шабалину поручили сопровождать их на специальных платформах по железной дороге.

Ремонт затянулся до июня сорок первого года.

Катеры словно переродились. Они стояли на берегу; краска на подводной их части крепко засохла. Винты, гребные валы, кронштейны и рули — все было приведено в полный порядок; на них не было ни малейших следов изгибов, изломов или даже чуть заметных раковин. Катеры сверкали на солнце начищенными, отполированными частями, они, поддерживаемые блоками, словно были готовы сорваться с места и ринуться в залив, испытать свою могучую силу на быстром пробеге. Шабалин внимательно и любовно осматривал катеры изнутри и снаружи, ощупывал и поглаживал отдельные части механизма. За тем катером, которым он непосредственно управлял в Заполярье, ухаживала женщина в комбинезоне; она перед отправкой катеров осматривала их и отдельные места густо смазывала маслом. Женщина, заметив около катеров Шабалина, спросила:

— Что, это ваши кораблики?

— Да, имею к ним некоторое отношение.

— Может придется вам плавать на них?

— Вполне возможно.

— В таком случае, думаю, что вы не пожалеете. Мы их постарались омолодить, освежить. Теперь они без сучка, без задоринки. Значит, вы их от нас повезете?

— Не мое дело, — уклончиво ответил Шабалин, поправляя бескозырку с лентой, свидетельствующей о его службе в Северном флоте. Он посмотрел на женщину; из-под синего с якорем берета развевался русский локон волос. Лицо здоровое, с коричневым загаром, умное, сосредоточенное.

— Я вас к тому спрашиваю, — продолжала женщина в комбинезоне, уловив на себе взгляд Шабалина, — что вот

этот катер капитально отремонтирован бригадой под моим руководством. Это моя первая самостоятельная работа после окончания вуза. И мне бы желательно было знать от вас в чем будут перебои, недостатки, чтобы я могла учесть в своей будущей работе. Обещаете мне написать через полгода, через год?

— А почему бы нет, — согласился Шабалин. — Только, знаете, неудобно писать о таких игрушках.

На другой день разговор с женщиной-инженером и ее адрес — все оказалось излишним и забытым. В субботу Александр ездил заказывать платформы для отправки катеров. Платформы обещали подать в понедельник. Значит, выходной день можно провести в Ленинграде, побывать в Эрмитаже, в Зимнем, посмотреть выставку по истории Военно-Морского флота, затем сходить на телеграф, послать своему начальству телеграмму о выезде. И ничего не пришлось этого сделать.

В воскресенье утром, еще до выступления товарища Молотова, в Ленинграде послышалось грозное ошутимое слово — **ВОЙНА!**

3. В ПЕРВЫЕ ДНИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Шабалин в вагоне пригородного поезда подъезжал к станции. Паровоз тревожно гудел, извещая пассажиров о налете. Появились немецкие пикировщики. Гул множества самолетов, тяжелые, потрясающие взрывы авиабомб и торпед, залпы зениток с кораблей и фортов — все смешалось и слилось в сплошной невообразимый грохот.

Налет кончился. Гудки и сирены оповестили отбой воздушной тревоги, самой настоящей тревоги, оставившей после себя жертвы и следы первых разрушений. Черный дым от разрывов и возникших, но быстро потушенных пожаров еще долго-долго не рассеивался, висел над городом.

„Вот она какая теперь война!“ — подумал Шабалин, проталкиваясь на паром.

Да, война начиналась совсем не такой, о каких ему приходилось в детстве слышать от своего отца и соседей, прошедших две-три войны — и на сопках Маньчжурии, и на Карпатах, и в Августовских лесах, и даже в годы интервенции у них под Онегой.

В подразделении Шабалину сказали:

— Отправка катеров отменяется. Они уже спущены на воду. Меняйте ленту на бескозырке, оставайтесь здесь.

— Есть, остаться здесь!

— Принимайте под свою команду катер и людей. Приводите катер в полную боевую готовность; заряжайтесь торпедами. Берите полные комплекты патронов к пулемету. И сегодня же вам боевое задание...

Так начиналась боевая служба командира торпедного катера Александра Шабалина.

Его катер много раз ходил для сопровождения своих судов, но встречаться с противником на море пока не приходилось.

Потом ему и его команде было приказано выходить для минирования шхер на подступах к Ленинграду со стороны Финляндии. Это была нелегкая работа, требовавшая умения, сноровки, хладнокровия и смелости. Минировать приходилось на виду у финских береговых укреплений, откуда то и дело сыпались снаряды, поднимавшие над морем каскады водяных брызг и огненные столбы.

Целый месяц катерники занимались этим опасным делом и, возможно, они занимались и дольше, но уже без Шабалина, так как командование Северного флота, вспомнив о Шабалине, потребовало откомандировать его обратно в Северный флот, в знакомый ему полярный бассейн.

Он ехал в Мурманск на одном из последних ленинградских поездов. Финны и немцы тогда рвались к Кировской магистрали, чтобы отрезать Мурманск и Кольский полуостров от центров страны. В поезде к Мурманску много было военных с петлицами защитного цвета и моряков, пробиравшихся на Север.

Люди ехали воевать — одни на корабли, другие в морскую пехоту, в десантные части.

Неслись встречные товарные поезда, переполненные эвакуировавшимися из Мурманска, Кандалакши и других мест. Среди тысяч людей, ехавших в глубь страны, в тесноте, на узелках и чемоданах тряслась в вагоне с малюткой Геней Шабалина Варя. Она так и не встретилась с мужем, хотя поезда в белую летнюю ночь разошлись на станции Лоухи.

Из-за множества встречных эшелонов поезд, в котором ехал Александр Шабалин, двигался слишком медленно и подвергался опасности попасть под бомбежку. Уже кое-где

на станциях фашистские стервятники оставили жуткие следы налетов. Ехали исключительно военные. Было испробовано все, чтобы не скучать: домино заменяли шахматами, шахматы — анекдотами, пускали в ход гармонь и гитару, дулись в карты, и все же время шло медленно. Пассажиры бросали игры и развлечения и тогда неизменно заводили разговор о войне.

Веселый и подвижной моряк спрашивал, обращаясь ко всем вместе и ни к кому определенно, а быть может думал вслух:

— Вот хорошо бы знать точно, когда, в каком году, какого месяца и числа кончится война?

— Чего захотел! Такие предсказатели не водятся, — возразил другой моряк.

В разговор вступил третий моряк — политработник, лежавший на верхней полке с раскрытой книгой. Он повернулся на бок и, уклоняясь от пыли, крутившейся в раскрытое окно, сказал:

— Тут дело не в мистическом предсказании, я так понимаю, а в научном предвидении. Я вот как раз читаю заметки Энгельса о Германии. Вы скажете, что в шумном вагоне нельзя сосредоточиться на Энгельсе? Ничего! Умеючи можно. Так вот Энгельс писал о Германии следующее:

„Прусское государство и прусская армия потерпят крах, и это произойдет, вероятно, в войне с Россией, — в войне, которая может длиться четыре года и которая доставит Пруссии только недуги и простреленные кости“

— Я задумываюсь над этими словами, — продолжает политрук с верхней полки, — они писались великим человеком, прекрасно знавшим законы развития человеческого общества. Не относится ли сказанное Энгельсом и к настоящей войне? А вот что говорит друг и соратник Маркса в другом месте:

„Германия будет иметь союзников, но Германия изменит своим союзникам, и союзники изменят Германии при первом удобном случае. И, наконец, для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи“.

* Энгельс, — Заметки о Германии. Эти слова приводятся в брошюре Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве“.

— Здорово сказано! — проговорил моряк, вызвавший своим вопросом политрука на разговор, и добавил к словам Энгельса:

— Такая война, как теперешняя, не только Европу обчистит, и Америку прихватит.

— Америка не пострадает, — заметил другой собеседник, — она за океаном, она лишь поднаживется за счет войны — это факт.

— Поднаживется не народ, а буржуи, — слышался опять голос с верхней полки и, шурша страницами сплошь подчеркнутых цветным карандашом строк, политрук продолжал цитировать вещиные слова Энгельса.

Разговор то превращался в спор, то в мирную беседу. Шабалин молча слушал и мысленно примыкал к доводам товарищей, занимая сторону то одного, то другого.

Поезд приближался к Мурманску.

Моросил дождь. Здесь он был очень нужен. Он помогал пожарникам, работавшим над ликвидацией последствий фашистского налета на город.

Мурманск оказался неузнаваемым. Выгорели кварталы деревянных строений. Торчали без крыш стены разбитых зданий. Словно тяжелая ветреная оспа изрыла лицо города. Улицы были пустынные, потому что и десятой части населения не осталось здесь. Но в порту, огражденном зенитками, попрежнему и даже сильнее чувствовался пульс жизни. Приходили и становились у причалов первые караваны иностранных судов, груженные танками и продовольствием. По тротуарам шумно бродили подвыпившие американцы и англичане; были среди них и крепкие, богатырского сложения негры.

Когда Шабалин поднялся от вокзала в гору, его глазам представилось мрачное зрелище наполовину разрушенного города; невольно вырвался тяжелый вздох, и крепкое слово сорвалось с языка по адресу гитлеровцев.

— Мерзавцы! Как изуродовали город. Ничего. Мурманск отстроится, будет еще краше, а вот вам, гадам, достанутся недуги и продырявленные кости. Плохо вы знаете русских...

С минуту он постоял в раздумье на перекрестке улиц. Решил, что идти домой незачем — жена еще в Кронштадт писала месяц назад о своем намерении выехать к родным за Волгу. Закинув за спину вещевой мешок с остатками

дорожного пайка, поправив на шинели ремень и обходя рывины и развалины, Шабалин уверенной походкой пошел к командному пункту, расположенному где-то совсем в незнакомом ему безопасном месте.

4. СНОВА В ЗАПОЛЯРЬЕ

Ему указали точно куда нужно явиться. Старый морской офицер развернул бумажку-предписание, прочел и, показывая на стул, предложил Шабалину сесть. Предстоял обстоятельный разговор.

— Почему так случилось, товарищ Шабалин: ваше личное дело со всеми документами у нас, а вы зацепились за службу в Кронштадте? Понравилось там, что ли? Чем там занимались?

Выбросив залпом несколько вопросов, начальник кадров морской службы Северного флота остановил свой внимательный, испытующий взгляд на прибывшем в его распоряжение младшем командире.

Александр доложил ему об отремонтированных и оставшихся катерах, о том, как он более месяца нес службу командира торпедного катера и что считал вполне резонным и законным делом служить там, где его застала война.

— Хорошо. Что было, то осталось позади. К этому разговору возвращаться больше не будем. А вот что теперь предстоит, товарищ Шабалин. На нашу базу поступили новые торпедные катеры—игрушечки! Чистенькие, и скорость развивают такую, что сам морской бог от зависти лопнет. Командование назначает вас командиром катера. Приказ сегодня будет подписан. Вам дается большой срок на подготовку и укомплектование—две недели. Можете действовать.

Снизив голос, начальник вроде бы по секрету сказал:

— Имейте в виду, товарищ Шабалин, через две недели член Военного Совета будет проверять вашу готовность к боевым встречам с противником...

На этом разговор был закончен.

Получив столь ответственное задание, Шабалин немедленно отправился на базу принимать под свое командование катер, не столь давно собранный на одном из судостроительных заводов нашей страны.

Двух недель было вполне достаточно, чтобы подобрать соответствующую команду из хорошо подготовленных моряков-катерников, испытать надёжность моторов и всего катера. Первые пробные плавания и учебные стрельбы торпедой превзошли ожидания Шабалина. И когда Шабалин становился за штурвал катера, развивал бешеную скорость, он и вся небольшая команда — боцман и мотористы — чувствовали себя хозяевами моря, носились, оставляя за собой седые буруны, похожие на огромные усы сказочного морского чудовища.

Член Военного Совета Северного флота приехал на базу.

На берегу моря, у причалов, покачивались катеры, готовые к плаванию и битвам. Солнце в безоблачной синеве гуляло над голубым морем. Полярное лето подходило к концу, приближалась первая военная осень.

— Так вот, дорогие товарищи и друзья катерники! — обратился к ним член Военного Совета. — Помните, что вы являетесь сынами великой Советской Родины, членами воспитавшей вас славной коммунистической партии; вы являетесь моряками Советского флота, унаследовавшего лучшие традиции лучших своих флотоводцев и храбрецов-матросов, имена которых вошли в историю русского флота... Обстановка, товарищи, такова, — продолжал член Военного Совета, — немцы вышли к реке Западной Лице и рвутся к Мурманску по суше, с воздуха и с моря. Гитлер послал на здешний участок отборные горно-егерские войска и, как известно, немецкие корабли в Киркенес и Петсамо доставляют свежие пополнения фашистских войск и снаряжение. Ваша задача — выходить на морские коммуникации противника, в районы, которые будут вам указаны, — обнаруживать и топить вражеские корабли. За нашу Родину, за любимого Сталина! Вперед, без страха, к победе, дорогие товарищи!..

Дружное матросское „ура“ пронеслось по побережью моря.

В тот памятный день, 24 августа 1941 года, небольшая группа торпедных катеров впервые вышла в Баренцево море „на задачу“. Но в тот день, как и в следующие за ним еще шестнадцать дней, катерники ни разу не встретились с судами противника. Становилось скучно и досадно расходувать напрасно энергию многосильных моторов. Иногда катеры подходили на близкое расстояние к берегам против-

ника, но, обнаруженные сторожевыми постами, подвергались обстрелу и уходили. Так было до первого боевого крещения, до 11 сентября 1941 года.

Наконец, наблюдательные посты сообщили командованию о движении немецких кораблей от Киркенеса к Петсамо.

5. ВСТРЕЧИ С ПРОТИВНИКОМ

Вечером, лишь только начали сгущаться сентябрьские потемки, „в двадцать один ноль-ноль“, как отмечается в вахтенных журналах, два торпедных катера вышли из базы. Один под командой Шабалина, другой — Светлова. К заливу в район Петсамо подошли ночью; заглушив моторы, встали под крутыми скалами берега, притаились в ожидании подхода вражеских кораблей. В темноте они были совершенно незаметны. Сторожевые посты немцев с берега не заметили подкрававшихся катерников: ни одной ракеты, ни одного вражеского выстрела с берега. Пока все шло хорошо и гладко.

— Ну, ребята, сегодня будет нам работа, — сказал Шабалин — то, что мы подошли незамеченными к месту, где должны проходить суда противника, уже есть часть успеха.

— Сегодня дадим жару, не промазать бы, товарищ командир! — проговорил чуть слышным голосом боцман. — Надо атаковать в упор, чтоб наверняка...

— По местам! — скомандовал Шабалин и дал сигнал второму катеру приготовиться.

Крепко держа штурвал, всматриваясь в глубину ночи, он заметил серые силуэты судов, подходивших к заливу. Пока трудно было разобрать, какие это суда, одно ясно, что они немецкие. Но вот они подходят ближе и ближе. На фоне светлой узкой полосы померкшего заката стали вырисовываться очертания крупного транспорта, затем миноносца. За ними вблизи следовали три конвойных сторожевых катера. Два шли по сторонам, третий позади, выступом. Так шли „сторожевики“, взяв в „вилку“ охраняемые ими суда. До Петсамо оставалось уже недалеко. Конечный пункт манил немецких моряков предстоящим отдыхом, благодарностью начальства за благополучную доставку снаряжения, продовольствия и пополнение живой силой егерских соединений.

Но вдруг среди ночи из-под отвесных скал вырываются и несутся им навстречу морские наездники. Кто они? Свои встречают, или же русские вынырнули из-под нависших над морем, грозящих смертью скал? С немецких судов начали торопливо сигнализировать, запрашивать на опознавание.

Но Шабалин на своем катере, Светлов на своем, уже наметив и поделив между собой цели для нанесения удара, выбирали выгодные курсовые углы и стремительно вели катеры в атаку. Не получив ответа на свои сигнальные запросы, на кораблях противника засуетились. Загремели орудия больших и малых калибров. Но было уже поздно. Две пары торпед, выпущенных залпом, с расстояния двух кабельтовых, неслись по назначению. Катеры круто развернулись, взяли курс на отход. Прошло несколько секунд. Раздались взрывы мощной силы. И Шабалин, обернувшись, увидел, как над морем поднялась корма немецкого транспорта, обнажив при этом руль и винт. Первая цель поражена. Две торпеды Светлов вклепил в миноносец, который не замедлил вслед за транспортом погрузиться в пучину Баренцова моря.

— Полный ход! — Облегченные катеры, без торпед, во всю мощь ринулись к своим берегам. Катер Светлова сразу затерялся в ночной мгле. Наперерез Шабалину неслись два сторожевых немецких судна. Они с близкого расстояния сыпали из пулеметов трассирующими пулями и двадцатимиллиметровыми снарядами. Катер Шабалина, развивая ход до последнего предела, отстреливался из двух пулеметов. Один снаряд ударил в отсек с мотором. Масляный бак выведен из строя. Один мотор заглох. Скорость катера сразу резко сократилась.

„Пожалуй с двумя моторами катер не сумеет от них уйти“ — подумал Шабалин и крикнул мотористу:

— Товарищ Луконин! Эй, товарищ Луконин! Во что бы то ни стало заделывай масляный бак!..

Моторист и сам отлично понимал, что выпустить из бака масло — равносильно гибели. Он выхватил нож, висевший у него с боку на ремне, отрезал подвернувшийся под руку кусок брезента и в течение каких-нибудь двух минут сумел заштопать бак. Третий мотор снова заработал. Еще долгих семь минут катер Шабалина лавировал, преследуемый и непрерывно обстреливаемый двумя сторожевыми немецкими судами. Третье сторожевое судно, как понимал Шабалин,

погналось за катером Светлова, но тому скоро и легко удалось вырваться из под обстрела. Светлов прибыл на базу раньше Шабалина, и упрекнуть его за это было нельзя, ибо задача была ясна: поразить неприятельское судно двумя торпедами и, не подвергая себя опасности, вырваться обратно на базу. На базе уже беспокоились за судьбу шабалинского катера и его команды. Некоторые считали, что ему не вернуться из-под обстрела сторожевых судов и береговых батарей. Но вот в тишину ночи врезался рокошущий звук моторов, и катер-победитель, подойдя к базе, ловко пришвартовал к берегу.

— Приехали! — весело сказал Шабалин, вытирая потный лоб рукавом комбинезона. — Ну, Луконин, теперь незачем тебе придерживать заплату на баке, без ремонта нашему катеру все-равно не обойтись. Сами все целы и то хорошо. — Подошедшему начальнику базы отрапортовал:

— Нами потоплен немецкий транспорт водоизмещением примерно около семи тысяч тонн. Личный состав катера весь невредим.

— От имени командования за отважные действия выражаю благодарность, — торжественно объявил командир.

— Служим Советскому Союзу!

— А теперь на берег, на отдых. Специально для вас приготовлен замечательный ужин...

После первой удачи катерники стали чаще выходить на вероятные пути движения немецких судов. Но встречаться с противником не удавалось. Моряки жаловались на разведчиков, что они не могут выследить и сообщить своевременно о подходе вражеских кораблей. Воздушные разведчики и сторожевые посты, в свою очередь, жаловались на немцев, что те стали более осторожны и не показываются даже в районе северной Норвегии, не говоря уже о явной боязни немцев подходить к Петсамо.

Катерники не унывали и не отчаивались. Всегда жизнерадостный, улыбающийся, Александр Шабалин говорил своим товарищам:

— Ничего, ребята, будет клёв. Мы еще покормим фрицами полярную зубатку. А теперь, чтобы не скучать, давайте позанимаемся, побеседуем о способах нападения на суда противника.

Малочисленная команда небольшой группы катеров размещалась поудобней в тесной каморке на базе. Начинался

разговор на тему о том, как удобнее топить вражеские корабли.

— Во-первых, — говорил Шабалин убежденно, — нас не так уж много, мы не можем производить массированные атаки. Да и не придется, поскольку противник в дневное время не показывается в фиордах у Киркенеса и Петсамо. Поэтому нашими верными помощниками всегда могут быть темная ночь, туман, снегопад и дымовая завеса. При этих условиях внезапность торпедного удара обеспечена. Еще неплохо вводить противника в заблуждение: скажем, он, заметив нас, сигнализирует нам на опознавание, а мы молча идем на него. Тут он скоро догадывается и кроет по нам из пушек. Надо будет попробовать на его сигналы отвечать теми же знаками, что он сигнализирует; все-таки, я думаю, произойдет некоторое замешательство, а нам то и надо! Нам каждая секунда дорога в таком деле... Дальше: катер, торпеды должны быть в полной исправности. Иначе какая-нибудь мелкая неисправность в горячую пору может привести и катер и всю команду к гибели. Надобно это всегда помнить...

Такие беседы проводились нередко.

Но однажды, и главное в скором времени после первой боевой удачи, оказалось, что предостережения Шабалина не были учтены командиром одного катера, Хапилиным.

2 октября 1941 года Шабалин и Хапилин на двух катерах вышли в море на подступы к занятому немцами норвежскому порту Киркенес.

Было два часа ночи. Оба катера шли малой скоростью, покачиваясь на чуть заметных волнах. Командиры катеров и вся команда, напрягая зрение, всматривались в ночную морскую темь, стараясь обнаружить цель для удара.

И вдруг — на траверзе четыре судна: два транспорта и два тральщика. Торпедные катеры, подстерегавшие добычу, с полного хода и близкого расстояния атаковали немецкий караван.

Двумя торпедами Шабалин пустил ко дну транспорт и, развернувшись, стал отходить. Немцы не хотели остаться в долгу: с кораблей противника засверкали лучи прожекторов, послышались орудийные выстрелы, и снаряды стали ложиться по сторонам быстро уходящего катера.

Но что же с Хапилиным? Где он со своим катером, и почему не последовало второго взрыва, почему над морем не поднялся второй огненный столб?

„Сам погибай, а товарища выручай“ — мелькнула в голове Шабалина суворовская заповедь. Он круто поворачивает штурвал и снова мчится навстречу немецким судам. Снаряды судовых орудий стали падать с большим промахом позади шабалинского катера. При свете прожекторов Шабалину не стоило большого труда обнаружить на черной поверхности моря катер Хапилина. Кружась, он суетился во все стороны, пытаясь вырваться из-под обстрела, но никак не удавалось. Снаряды рвались вблизи, осколки решетили обшивку катера. Шабалин, подойдя на своем катере вплотную к Хапилину, понял в чем дело: торпедные аппараты оказались неисправными. Обе торпеды остались на своем месте; катер Хапилина при отходе после неудавшейся атаки, загруженный тяжелыми торпедами, естественно, не мог угнаться за катером Шабалина.

Было ясно, что стрельбой из пулеметов по палубам немецких судов не спасти своего положения. Оставалось, не жалея дымовых шашек, укрыться от прожекторов и ракет в густой дымовой завесе. Только таким путем с помощью Шабалина и удалось катеру Хапилина вырваться из-под усиленного обстрела.

За два потопленных немецких транспорта грудь Шабалина украсилась орденом Ленина. Подчиненные ему товарищи тоже получили награды.

Хапилин из своей первой неудачной атаки делал для себя неутешительные выводы. Начальство, конечно, тоже было недовольно его неудачей, строго отнеслось к нему. Выяснив причины неисправности своего катера, он с некоторым опозданием понял, что к боевым операциям на море надо готовиться по-шабалински.

Между тем Шабалину, авторитет которого рос среди моряков, было приказано высаживать десантные группы разведчиков в районе Печенги на побережье и острова, занимаемые тыловыми частями противника. Места незнакомые, известные только по картам, которым в военное время не всегда можно верить. Иногда на карте обозначено: фиорд, а в действительности тут фиорд-то фиорд, но на нем минное поле, усеянное пловучими, магнитными и всякими другими минами. Прежде чем забросить десантные разведывательные группы в тыл врага, следовало знать такие захоластья на побережье моря, куда противник никак не ждет „гостей“. Пусть будет трудно морской пехоте пробираться в глубь суши, но

зато надёжно: больше пота, меньше крови, таков закон в военных условиях.

Благодаря теплomu течению нордкапской ветви Гольф-стрема, море здесь не замерзает. Лето прохладное, нередко выпадают дожди. Осень начинается рано густыми туманами и снегопадами. Однако климат сравнительно более теплый, нежели в южной части Мурманской области или в Карелии. Места здешние заселены с давних пор; ученые археологи находили в Заполярье древние поселения первобытного человека. Историки, русские, шведские и норвежские, ссылаясь на авторитетные источники, свидетельствовали о принадлежности этих северных окраин Новгородской Руси. Еще Ярослав Мудрый в XI веке договаривался с норвежским королем Олафом о проведении границ между Новгородской Карелой и Норвегией от залива, называемого Люген-фиорд... А теперь в этих местах хозяйничали немцы; тысячи русских людей с оккупированных территорий были вывезены на север Норвегии ловить, солить и коптить сельдь на факториях Геринга и К^о.

В глухих островных заводях, в глубоком вражеском тылу Александр Шабалин с товарищами высаживал смелых, боевых парней на разведку. Море, богатое рыбой, привлекало сюда несметные стаи морских птиц. Среди них преобладали пискливые и быстрые чайки. Они высматривали плавающую на поверхности моря рыбу, пикировали и ловко выхватывали из воды трепетных сельдей...

Когда разведчики высадились на необитаемый берег, Шабалин тоже захотел ступить на чужую, бывшую нашу, землю. В раннюю предрассветную пору он, провожая разведчиков, сошел с катера, осмотрелся кругом: никаких признаков жилья поблизости не было. Глухая, нелюдимая местность покрыта мелким, оголенным кустарником, настолько мелким и редким, что в нем не спрятаться крысе. На каменистых возвышенностях выступал из недр земли серый, как лава, застывший песчаник, пригодный для изготовления точильных брусков; тут же сверкали белизной толстые изгибистые слои известняка, с которого сползали россыпью ржавые, словно куски железа, камни. И на этих смешанных сугорьях и сопках откуда-то появились колченогие березки, успевшие осыпать крохотный лист еще в конце сентября. Березки, хиленькие, не достигнув роста человека, перестали расти вверх, а цеплялись за каменистую поверхность и расплза-

лись во все стороны, ища себе влажное и уютное местечко, чтобы обосноваться покрепче на этой особенной, самой крайней на белом свете земле. Стаи испуганных и удивленных птиц кружились над разведчиками. Неподалеку от места высадки, в низине, поросшей густой осокой, показались гуси.

— Эх, резануть бы из автомата! — сокрушенно проговорил один из разведчиков, заведомо зная, что стрелять без надобности не полагается.

— Я тебе резану! — погрозил кулаком командир отряда и добавил внушительно: — У меня чтоб ни шороха, ни звука! Ясно?.. Давайте, товарищ Шабалин, закурим на прощанье и можете в обратный путь. А нам да поможет бывший бог сделать все то, что от нас требуется. С недельку, очевидно, мы погуляем по тылам, может меньше, может больше, — будем радовать своему начальству, время и место нашей съемки укажем...

Командир отряда, рослый и крепкий моряк тихоокеанец, служил в морской пехоте. Сейчас ему и его бойцам впервые пришлось пойти в разведку. Через две-три минуты катер отойдет к своим берегам, на базу, а они, отрезанные линией фронта и морем, останутся здесь, предоставленные самим себе.

Неволью Шабалин посочувствовал им и проникся к ним уважением.

— Да, ребята, у вас работенка бедовая. Шаги в неизвестность. На вашем деле, как и у нас, нужны тоже крепкие нервы и смекалка.

— Как-нибудь, — скромно проговорил командир отряда и притопнул в ягеле брошенную цыгарку.

— Ну и земелька здесь! Не поймешь, из чего она и сделана, — сказал он, озираясь вокруг, — тут бы геологам долбить, сверлить, изыскивать, а вместо ученых нашему брату приходится ползать по этим низинам и кручам.

— А говорят, в давние времена земля эта была нашей. Там где-то даже монастырь русский был Бориса и Глеба, — заметил Шабалин.

— После войны опять нашей будет! — уверенно продолжил его мысль командир отряда. — В надёжных руках советских хозяев эта земелька даст еще себя почувствовать. До службы на флоте я на востоке кровельщиком работал. Вижу — в этих сопочках кровельного сланца хватит целый город покрыть, да еще и останется.

— Ну, друзья, счастливо оставаться!

— А вам счастливо отправляться! Увидите своих — кланяйтесь нашим!..

Разведчики остались на чужом берегу, во вражеском тылу, где на каждом шагу их подстерегала опасность.

Катер Шабалина отвалил от берега и, выйдя на морской простор, скрылся из виду.

6. ПРАЗДНИЧНЫЙ ПОДАРОК РОДИНЕ *

Когда мне пришлось разговаривать с Александром Осиповичем Шабалиным о его многих славных подвигах, он или по забывчивости, или из скромности, а быть может из-за краткости нашей встречи умолчал об одном интересном эпизоде, который произошел накануне годовщины Октябрьской революции. Было это в первый год войны.

В тяжелых условиях встречала наша Родина замечательную дату существования советского строя. Каждый сознательный гражданин социалистического общества в этот тяжелый военный год стремился делом помочь Родине в борьбе с заклятым врагом.

В глубоком тылу, не жалея своих сил, не щадя здоровья, дни и ночи проводя под дождем и на морозе, русские люди восстанавливали эвакуированные заводы, работали на оборону отечества, ковали победу. На подступах к Москве и Ленинграду и в Приднепровье воины Советской Армии, не щадя своей жизни, бились за каждую пядь земли, изматывая наступавшего противника. В эти дни благородная мысль — помочь Родине хорошими боевыми делами — не давала покоя ни Шабалину, ни его отважной команде катерников.

На ловца и зверь бежит — говорит русская пословица. Поиски отважных охотников-североморцев увенчались успехом.

В ночь на седьмое ноября Александр Шабалин двумя торпедами уложил на дно моря немецкий транспорт водоизмещением в десять тысяч тонн, а на транспорте (как потом выяснилось через опрос пленных) пошло ко дну около двух тысяч солдат и офицеров из отборных тирольских

* Об этом подвиге А. О. Шабалина кратко рассказано в „Блокноте агитатора Военно-Морского флота СССР“ № 32—33 за 1944 г. (Прим. автора).

горно-егерских батальонов! Не легко достался этот транспорт. Опять под покровом густой темной ночи приходилось увертываться из-под сильного обстрела вражеского конвоя. И когда вывернулись, легко вздохнулось всем на катере. Счастье победы улыбнулось еще раз.

На берегу уже знали по радио об очередном успехе Шабалина.

Механик катера, весело потирая руки, делился своими впечатлениями с мотористом Луконым:

— Здоровенное судно сегодня накрыли. Двумя сразу дернули. Молодец у нас командир — настоящий мастер меткого торпедного удара!

— А ты поменьше хвали меня, — услышав разговор, вмешался Шабалин, — ты такой же участник этого дела, как и я. Пусть другие о нас судят, им со стороны-то видней. Опять же самохвальство вещь нехорошая. Я от своего дядюшки слышал: сам не выхвалишься, коли люди не похвалят. Да, пусть наши дела за себя говорят. Важно то, что к Октябрьскому празднику мы пришли с хорошими показателями. На нашем катере появится третья красная звездочка, а в сводке Совинформбюро, вероятно, опять будет сказано скупое и увесистое: „Нашими кораблями в Баренцевом море потоплен транспорт противника“. И сам товарищ Сталин, просматривая сводку, улыбнется и скажет: „Наши моряки тоже не сидят сложа руки, действуют!“..

Октябрьский праздник проводили очень скромно. Однако было чего выпить и закусить. Погода на море перешагнула за пять баллов. Катерники справляли вынужденный отдых. Нельзя сказать, чтобы веселье переклестывало через край — слишком сумрачное положение было на фронтах. Даже к вечерам самодеятельности не готовились. Политработники ограничились беседами и докладами на кораблях и на базе.

В общежитии катерников появилась составленная неизвестным автором песня, ее между делом распевали под голосистую гармонию.

В боевой тревоге
К берегам-отрогам,
Под покровом ночи
 выходил не раз
Экипаж бесстрашных,
Моряков отважных —
Выполнять на море
 Сталинский приказ.

К берегам фашистским,
К базам белофинским
В шторм и непогоду
 в поиски врага
Уходил в разведку
Катер шабалинский
И свой край полярный
 он оберегал.

И при луином свете
Ринулся, как ветер,
Быстроходный катер
 к вражьиm берегам.
Дан приказ, чтоб всюду,
Где бы ни заметил,
Меткою торпедой бить,
 топить врага.

Все готовы к бою.
Шабалин спокою.
Держит свой он катер
 точно на прицеле.
Видит — вырастают
Черною горою
Корабли-громилы; залп! —
 Торпеды в цель!..

Взрывов мощной силы
Эхо прокатилось,
И взметнулось с дымом
 пламя над водой;
Будет наше море
И земля могилой
Тем, кто меч занес
 над солнечной страной

Шабалину было приятно слышать упоминание его фамилии в песне и вместе с тем казалось как-то неудобно. Песня! Это не шутка. Другое дело, если бы упоминали его в частушке. Мало ли приходилось слышать Шабалину в жизни складных коротушек и в деревне от молодежи и в городе от клубных эстрадных песельников. Злободневные частушки-коротушки быстро рождались, так же быстро забывались и на место забытых появлялись новые, не менее звонкие, и те, в свою очередь, исчезали, таяли, как падающие снежинки.

7. ВОСЕМЬДЕСЯТ ПРОБОИН!

В студеную зиму, в бурную непогоду на торпедных катерах в Баренцовом море работать очень трудно, а чаще всего невозможно. Стоит катеру обледенеть, как он становится менее подвижным, теряет свою боевую способность. Скуновато катерникам зимой. То в Полярном, то в Мурманске, куда только ни посылало их начальство, катерники в теплых помещениях изучали тактику морского боя, готовились к будущим встречам с противником, да в случае тревог становились к зениткам и отражали налеты авиации, которые, кстати сказать, случались нередко.

Весна в сорок втором году на севере была ранняя. В апреле Александр Шабалин совместно с другим командиром катера Куксиным выходил после длительного зимнего отдыха на разведку к берегам противника. Однажды в светлую ночь они заметили в надводном положении немецкую подводную лодку. Лодка, длинная, как огромная щука, показывая черный хребет, беспечно возвращалась в Киркенес.

Наши торпедные катеры у берегов северной Норвегии появились неожиданно. Немецкие подводники, очевидно, сочли, что это их немецкие „охотники“ так свободно разгуливают у своих баз, не решаясь пробраться в советские воды.

Шабалин и Куксин, видя безмятежное состояние команды подводной лодки, стремительно пошли на нее в атаку. Командир лодки и не пытался давать отпор катерникам. К двум тонкоствольным пушкам некогда было вставить подводникам артиллеристам и слишком мало шансов взять на мушку грозно несущиеся катеры. И немецким подводникам ничего не оставалось больше делать, как зарыться в морскую глубь и таким путем спастись. Но они погрузились в море навсегда. Шабалин и Куксин имели при себе запас глубинных бомб. Несколько штук таких бомб, сброшенных в районе погружения немецкой подводной лодки, сделали свое дело. Правда, катерникам некогда было ждать появления на поверхности моря следов от потопленной лодки противника, но впоследствии было установлено, что немецкая подводная лодка, вышедшая 24 апреля охотиться на советские корабли, на базу в Киркенес не возвратилась.

Быть может, фрицы не знали и не обязательно им было знать фамилию онежского парня, так искусно орудовавшего

на торпедном катере. Злость у них накапливалась, и однажды вылилась в таком объеме, что Александр Шабалин долго-долго вспоминал об этой немецкой злости и дивился, как он остался жив, цел и невредим.

Было это осенью, 14 сентября. Четыре торпедных катера, выполняя приказ командования, забрасывали в тыл противника большую разведгруппу и менее чем через сутки снимали ее, чтобы доставить обратно. Десантники, высадившись в районе местечка Матиуона, разбили опорный пункт немцев и, захватив пленных, вернулись на торпедных катерах обратно в свою бухту. Немецкий летчик, нырявший на самолете в густых облаках, выследил место, куда четыре торпедных катера доставили и высадили разведчиков. Это была небольшая бухта, защищенная с трех сторон скалами. Конечно, катеры могли бы, не задерживаясь здесь, уйти, уйти на свою базу. Но начался снегопад, и на море показались белые барашки волн. Надо было переждать непогоду. Катеры были поставлены на якоря поближе к отвесным скалам. С устатку, пережидая погоду, катерники поужинали, подкрепили себя мясными консервами и для „согреву“ выпили по сто граммов водки. Некоторые из моряков легли отдохнуть, благо в бухте не было качки, а скалистый высокий берег приютил и с одной стороны от всякой случайности укрыл морских наездников. Только не успели моряки заснуть, как стоявший на посту на шабалинском катере главстаршина Зайкин крикнул:

— Самолеты!..

Не зря нырял в облаках немецкий разведчик. Свои наблюдения он сообщил на аэродром в Лаустари. Четыре советских торпедных катера, притаившихся в небольшой безымянной бухте, были для немцев желанной приманкой. Тридцать шесть бомбардировщиков бросили немцы на эту бухту.

— Заводи моторы! К пулеметам! — послышались слова команды.

Но уходить из бухты в бушевавшее море было уже поздно. Бомбардировщики пикировали. Оглушительные взрывы ошеломили катерников. Многие из них не удержались на ногах; одни прижались на берегу в расщелинах, другие ничком лежали в катерах, подбрасываемых взрывными волнами. Такого страха еще никто из моряков этой группы за время войны не переживал. Бомбежка длилась быть может всего

две-три минуты, показавшиеся целой вечностью. С трех дюжин самолетов рухнуло вблизи катеров не менее сотни авиабомб различного веса и силы. Хорошо еще, что Шабалин догадался и успел свой катер вывести на мель, иначе катер мог бы затонуть. Кормовая часть его уже была затоплена. Все три руля оторвало подводной взрывной волной. Один пулемет разбит осколком, из другого раненный в ногу боцман Козлов строчил по самолетам. Пожалуй, он один, увлеченный стрельбой, меньше других переживал и чувствовал страх. Ему некогда было страшиться. В эти минуты одна у него была мысль: сбить бы хоть одного дьявола, сбить! И когда один из тридцати шести загорелся в воздухе и грохнулся за скалами в море, Козлов почувствовал удовлетворение. Потом уж он заметил, что левая нога у него подшиблена осколком.

— Ну и баня! — с тяжелым вздохом вырвалось у Шабалина. — Сознавайтесь, у кого рация в порядке? Надо сейчас же сообщить на нашу базу. Да, положеньице невеселое. Скорей докладывайте, у кого в каком состоянии машины...

Моторист Иванов уже успел подсчитать пробоины на катерах и доложил, что на шабалинском катере пробоин больше всех — ровно восемьдесят штук!

На базу было радировано: „Штурмовала авиация противника, все катеры выведены из строя, нуждаемся в помощи. Просим для отбуксировки катеров выслать морских охотников“.

Вечером и ночью моряки старательно заделывали пробоины и откачивали воду. Утром пришли „морские охотники“. Причаленные к „охотникам“ цинковыми тросами катеры тронулись на базу. Им предстоял капитальный ремонт.

Пока ремонтировался катер, Александр Шабалин отдыхал в самом северном санатории около Мурманска. Через месяц он вышел из санатория со свежими силами, бодрый и здоровый, готовый к новым схваткам. У причала на базе стоял в полной готовности доставленный из ремонта торпедный катер. Около него возились мотористы.

8. СОВМЕСТНО С ГРУЗИНОМ КОЛОТИЕМ

В октябре и ноябре сорок второго года десять „морских охотников“ и другие суда под охраной торпедных катеров пятнадцать раз выходили минировать подступы к заливу в районе Петсамо.

Береговые батареи и суда противника нередко обстреливали наших „морских охотников“, но торпедные катеры приходили на помощь, вырывались к побережью и закрывали густой дымовой завесой действия наших минных заградителей. Тогда батареи противника напрасно расходовали снаряды, а минные поля незаметно появлялись на путях продвижения вражеских судов. Морская разведка и сторожевые посты доносили, что на этих минных полях не раз „спотыкались“ и уходили на дно моря немецкие корабли.

Насколько были ощутимы потери противника на минных заграждениях — судить трудно. Для катерников, в том числе и для Александра Шабалина, который теперь в звании старшего лейтенанта командовал звеном торпедных катеров, способ активных действий на море, способ внезапных атак всегда казался наиболее действенным и вероятным. Правда, это требовало риска, но риск, говорят, благородное дело, если он применяется в интересах Родины.

В звене у Шабалина на катере был командиром пылкий и сообразительный, смелый и решительный грузин лейтенант Колотий. Шабалин и Колотий были хорошими боевыми друзьями. Дружба между ними была настоящая, деловая, скрепленная совместной боевой службой. Они много раз вместе выходили на катерах в море на поиски вражеских кораблей, и были в их совместной борьбе против фашистских захватчиков эпизоды, достойные описания.

18 апреля 1943 года Шабалин на своем испытанном катере и Колотий на своем стояли в засаде у входа в залив, ведущий к Петсамо. Весенняя ночь была короткой. На рассвете два немецких катера показались в заливе и поставили дымовую завесу. Не иначе, ожидается караван немецких судов, — решили катерники и насторожились. Взоры всех устремились в дымчатую пелену, окутавшую море. Разглядели пять силуэтов судов, показавшихся на рейде в дыму завесы.

— Атакуюс? — перекинулся словом со своего катера лейтенант Колотий. — Дымок нам не мешает, а наоборот, позволит незаметно подойти вплотную и бабахнуть.

— Атакуем, — согласился Шабалин, — но, товарищ Колотий, я не уверен, что это силуэты крупных судов. Мы должны их посмотреть поближе. Если же окажутся сторожевые катеры, то мы торпед не будем зря расходовать, не стоит овчинка выделки, а из пулеметов, с близкой дистанции почему не пощупать?

Все же, не имея точного представления о мелькающих силуэтах в дымовой завесе, оба катера бросились в атаку. Несколько минут полного хода, и все стало ясно: пять немецких катеров вышли для сопровождения и охраны видневшихся в заливе двух крупных транспортов.

Пулеметный треск раздался над морем. Начался какой-то дикий танец катеров. Немцы стремились пулеметным огнем вывести советские катеры из строя, уничтожить их и обезопасить вышедшие в море транспорты, наполненные никелевой рудой.

Первым вырвался из этого бешеного танца катер лейтенанта Колотия, и, свирепо разрезая волны, высоко подняв нос, стремительно кинулся вглубь залива, где окутанные дымом двигались в сторону Норвегии два транспорта.

Шабалину и его отважным катерникам пришлось вести бой с пятью немецкими катерами. Стволы пулеметов уже становились горячими, от рубки и носовой части летели щепки. Опасность была явно серьезной. Но следовало именно так одному держать бой со всеми катерами, чтобы дать возможность Колотию найти цель и выпустить обе торпеды.

С берега слышались артиллерийские залпы. Фашисты невпопад хлестали по увертливому катеру Колотия.

Но тот, маневрируя под обстрелом, уже был близок к цели. Еще прошло несколько минут сплошной пулеметной стрельбы по катеру Шабалина, и вдруг грохот двух пущенных Колотием торпед оповестил, что одного немецкого транспорта уже не стало.

Несколько секунд растерянности среди немецких сторожевиков — и катер Шабалина, чуть-чуть не задевая за борта снующих катеров, вырвался из окружения. Позади, отставая от него, остервенелой стаей неслись вражеские сторожевики; казалось, они готовы все вместе броситься на катер Шабалина, таранить, сбить его, лишь бы сберечь второй транспорт с никелевой рудой, награбленной в шахтах северной Финляндии.

Не успели немцы преградить путь Шабалину к транспорту. Скорость их катеров оказалась ниже скорости советского катера.

С немецкого транспорта выстрелов не последовало. Была опасность стрелять по своим. На развороте обе шабалинские торпеды впились в глубоко погруженный борт транспорта. И снова мимолетная привычная глазу картина: в огненном столбе подпрыгнули мачты корабля. На месте взрыва вырвался черный дым, и корма поднялась над морем и словно застыла в ожидании, когда все отсеки разрушенного судна захлебнутся водой.

Теперь, после торпедного залпа, скорость шабалинского катера стала еще выше.

Когда Шабалин расправился с немецким транспортом, он не заметил вблизи себя катера лейтенанта Колотия и был уверен, что Колотий, сбавив ход, с оглядкой уходит к своей базе. И это было действительно так: немецкая дымовая завеса и остаток весенней полярной ночи укрыли от преследования катер ловкого морского наездника. Но как быть Шабалину, попрежнему одному против пяти сторожевых катеров? К его счастью, два из пяти оторвались в сторону потопленных транспортов, очевидно, спасти тонувших матросов. Но еще три катера преграждали выход из залива. Тогда, не долго думая, Шабалин твердой рукой резко поворачивает штурвал и, набирая бешеную скорость, лавируя несется вблизи морского побережья, оснащенного береговой дальнобойной артиллерией. Его никто не преследует. Зачем преследовать, когда одинокий советский катер попал в зону артиллерийского обстрела!

Бешеный огонь десятков орудий обрушился на Шабалина. Но все обошлось благополучно, если не считать незначительных пробоин в носовой части, которые не повлияли на скорость хода.

Механик, сбросив с лица суровость, широко улыбался и, показывая мотористам приподнятый кверху большой палец, под шум морского буруна и трех моторов что-то пел.

И всем шабалинцам, не легко и не просто добывшим победу в этой вылазке, после пережитых внутренних волнений, сейчас, в полной безопасности на пути к своей постоянной базе, хотелось от счастья петь и веселиться. Даже у стоявшего за штурвалом сосредоточенного старшего лейтенанта срывались с обветренных губ слова песни:

За Онегой, за Двиной,
Всей стране поведай,
Что вернемся мы домой
С честью и победой...

* * *

... И еще был памятный случай, выдающийся из всех других случаев совместных действий онежанина Шабалина и кавказца Колотия.

Наша разведывательная авиация донесла командованию флота о продвижении немецкого каравана вдоль побережья северной Норвегии в сторону немецких баз, расположенных между Киркенесом и Печенгой. По обыкновению суда шли с расчетом ближе к ночи, чтобы незаметно пробраться к месту назначения.

Такая осторожная тактика вполне устраивала командира звена торпедных катеров, мастера торпедного удара.

И снова лаконичный приказ:

„Старшему лейтенанту Шабалину и лейтенанту Колотию выйти на двух катерах, атаковать и уничтожить суда противника“.

В приказе по обыкновению указывалось время выхода с базы и даже место, где должна произойти встреча с противником. Последнее не всегда совпадало с предположением, указанным в приказе. Но „атаковать и уничтожить“ звучало непреложно и не вызывало никаких возражений,

В сентябрьскую ночь оба катера вышли по знакомым маршрутам. На этот раз они встретились с двумя транспор-тами и одним танкером; были еще сторожевые катеры, которые сновали по сторонам конвоируемых кораблей, но те в расчет для торпедных ударов не принимались.

Шабалин и Колотий шли полным ходом, не маскируясь. С немецких судов стали сигналами запрашивать: „Кто идет?“

Шабалин приказал ботману Козлову отвечать немцам их же сигналами и попрежнему вел свой катер прямо на немецкие суда. За ним стороной держался катер Колотия.

Ботман Козлов не торопясь „отвечал“ немцам, путая знаки их запроса. Немцы снова что-то сигнализировали и вдруг поспешно начали стрелять из орудий. С ближнего транспорта голубой широкий луч прожектора нащупал и взял под обстрел шабалинский катер. Огонь двух пулеметных стволов погасил прожектор. В глазах Шабалина потем-

нело, и транспорт с разбитым прожектором ускользнул из его поля зрения. В темноте сверкнули оружейные вспышки на танкере. И пока лейтенант Колотий окутывался от обстрела дымовой завесой, Шабалин дал залп обеими торпедами по танкеру. Судно, наполненное горючим, взорвалось и вспыхнуло ослепительным светом. Море широко вокруг озарилось ярким пламенем. Волны на обширной площади моря покрылись огненными языками. Шабалину оставалось уходить. Но он беспокоился за друга Колотия. Как-то он справится со своей задачей? Теперь ясно вырисовывались оба транспорта, поспешно уходившие в сторону побережья и на ходу беспорядочно стрелявшие в дымовую завесу, где, по мнению Шабалина, должен был находиться катер Колотия. Там же слышался пулеметный треск. Это немецкие сторожевые катеры давали знать о своем присутствии.

Шабалин обогнул дымовую завесу, пустился на отход в зону, слабо освещенную пожаром тонущего танкера. С противоположной стороны завесы вырвался катер Колотия. За ним гнались два немецких сторожевика. Колотий на своем катере изо всех сил мчался к ближнему от него транспорту. Он не видел Шабалина, и Шабалин не видел Колотия перед атакой.

Но Колотий уже убедился, что небо и море освещены горящим танкером с легкой руки его удачливого друга и командира. И в эту минуту лейтенанту Колотию ничего так в жизни не хотелось, как скорей уничтожить немецкий транспорт, чтобы гул тяжелых взрывов донесся до ушей куда-то скрывшегося Шабалина.

И лейтенант Колотий успел: на его катере будет красоваться вторая красная звездочка — знак о втором метком торпедном ударе по вражескому кораблю.

Шабалин и его товарищи отчетливо слышали гул взрыва.

— Молодец Колотий! Не прозевал! — заметил боцман Козлов.

— А я почему-то был уверен в этом наезднике, — проговорил Шабалин, сбавляя ход, чтобы обождать катер Колотия. На всякий случай он приказал боцману и одному из мотористов встать к пулеметам: кто знает, Колотия могут преследовать немецкие сторожевики.

Прошло несколько томительных и долгих минут. По времени пора бы уж Колотию выбраться. Но попрежнему висело яркочерное зарево над морем с дымчатым покровом.

Танкер горел и горел, медленно погружаясь в море. Шабалин еще сбавил ход и стал удаляться с приглушенными моторами. Слышались орудийные выстрелы. Катер Колотия не появлялся.

Шабалин, скрывая волнение, запрашивал по радио краткой и тревожной фразой: „Колотий, что с тобой? Где ты? Отзовись!“...

Но Колотий словно канул на дно моря. На многократные запросы Шабалина ответа не последовало.

— Ребята, дело, кажись, плохо, — заключил наконец после получасового ожидания Шабалин, — за это время несколько раз можно обернуться, а тут его нет и нет... Или он проскочил незаметно далеким обходом, тогда зачем ему не отвечать на мой запрос? Или, всего скорей, — катер Колотия погиб...

Чтобы разогнать тяготившее всех настроение, механик Зайкин промолвил:

— Ужели, чорт бы его побрал, Нептуну понадобились ребята из нашего звена? Ох, и наплачется он от них!..

— Ну, что ж, так и запишем, война без жертв не бывает, — тяжело вздохнул Шабалин и твердым голосом добавил: — Мотористы, на полный газ!

Катер стрелой понесся во мрак ночи к своей базе. На ходу радиовали командованию: „Задание выполнено, уничтожены один танкер с горючим и один транспорт. Судьба Колотия неизвестна“...

Однако все обошлось благополучно.

В землянке командного состава на базе Шабалин с Колотием чокались стаканами, выпивая за успех.

Шабалин ворчал:

— Ну, какого ты чорта, душа любезный, на наших нервах играл? Наушники у тебя что ли с башки слезли, почему не отвечал на мои вызовы?

Строитель кавказец Колотий весело усмехнулся и на слова командира отвечал:

— Дорогой друг! Я слышал твое беспокойство. Но что я мог ответить? Я ничего не хотел ответить. Нельзя было. Я скажу, почему нельзя было: когда мы положили на обе лопатки немецкий транспорт, я развернулся и стал утекать обратно сквозь свою дымовую завесу. И вдруг: стой! Что такое? Сразу два мотора сдали. А на одном не ускачешь. Кругом рыщут немецкие сторожевики и прочесывают завесу

из пулеметов. Того и гляди, как бы шальная не задела. Начинаем выяснять положение. Подбиты? Нет, оказывается, чуть-чуть пустяк не подвел — бензин перестал поступать в моторы. Мы притихли тогда и ни гу-гу. Кавказский человек должен смекалку иметь или нет? Как по-твоему? Хорош бы я был Колотий, если бы на твои вопросы отвечал так: „Товарищ Шабалин, я жив и здоров, того и тебе желаю, но только вот у катера два мотора испортились и сами прячемся в дымовой завесе“. А рядом немец на сторожевиках. А у немца голова на плечах, а на голове шапка с наушниками. Он тоже слушать может. Я решил молчать. А мотористам показываю кулаки и богородицу вспоминаю: исправляйте, черти проклятые, скорей! Ох, и долго тянули! Все же бензин пошел, и я тогда газанул. Думал тебя догнать...

9. БУДНИЧНЫЕ ДЕЛА

Атаки торпедных катеров на вражеские корабли происходили не так часто и считались делом серьезным и чрезвычайно важным. Каждая удачная атака на базе расценивалась как большая победа и переживалась моряками словно настоящий счастливый праздник. Победителей обычно окружали вниманием, в своем кругу чествовали их, а начальство по заслугам представляло к награде. Александр Шабалин за свои геройские дела к осени сорок третьего года уже был награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. В его звене все катерники были удостоены правительственных наград.

Кроме счастливых атак с блестящими результатами, в будничной жизни морских наездников много было других, на первый взгляд незаметных дел. Эти будничные дела в общей сложности в борьбе против немецких захватчиков составляли большой и полезный вклад, который повседневно фиксировался в вахтенных журналах кораблей-малюток и навсегда запечатлевался в памяти самих участников событий. Работы было много, трудной и разнообразной.

Приходилось оберегать свои суда, курсировавшие в районы полуострова Рыбачьего; приходилось спасать наших летчиков с подбитых самолетов, „приземлившихся“ где-нибудь на волнистой поверхности моря; приходилось высаживать де-

санты, ставить минные заграждения, брать пленных на суше и на море. Да мало ли чего выпадало на трудовую долю отважных катерников!

Между прочим, казалось бы, не хитрое дело — спасти на море выбросившегося с парашютом летчика, но попробуй его найти в том или другом, точно неизвестном квадрате бескрайнего моря, да еще в сумерки или даже в ночное время.

В боевой схватке с конвоем противника и с „Фокке-Вульфами“ загорелся наш истребитель. Летчик сильными рывками то вниз, то вверх пытается потушить пламя горящего самолета. Тщетно. Самолет обречен на гибель. Сознание подсказывает летчику — из двух бед выбирать наименьшую. На нем парашют и на случай броска в море — спасательный жилет. Конечно, если скоро не подоспеет помощь, то на такое легкое спасательное приспособление надежды мало. Море, смотря по его состоянию, может сыграть злую шутку с потерпевшим. Вот тогда незаменимый по своей быстроходности торпедный катер выходит искать летчика, чтобы спасти его от гибели.

Александр Шабалин на своем катере неоднократно спасал летчиков. Он умел их быстро находить и своевременно оказывать помощь.

Жизнь товарищей в опасности — этим сказано все. Не щадя своей жизни, не страшась никаких препятствий, иди к ним на выручку. Так было, когда несколько наших летчиков оказались на волнах фиорда в тылу противника. Узнав об этом, командование поручило Шабалину днем (что особенно рискованно) ворваться во вражеский фидрд и подобрать утопающих летчиков. Выполнять эту операцию ему мешали и береговая артиллерия и немецкие пикировщики. Однако смелость, дерзость и тактическое искусство Шабалина оказались выше всяческих помех. Летчики, никак не ожидавшие помощи, были спасены. Забудут ли они этот геройский подвиг Шабалина и его славной команды?

Однажды командующий флотилией звонит Шабалину:

— Товарищ Шабалин, наши посты обнаружили в море бот противника, как бы его в плен взять?

— Есть, товарищ командующий, прошу указать направление, — не колеблясь, отвечает командир звена катеров. — Разрешите мне самому выйти?

— Можете.

Получив направление и определив точно курс в указанный квадрат Баренцова моря, Шабалин вел катер, рисуя в своем воображении встречу с ботом и обдумывая, как его можно зацепить и доставить к себе на базу. Каков бы ни был бот, а на нем должна быть вооруженная команда немецких матросов, навряд ли желающих попасть в плен, да еще вместе с каким-то грузом?

Размышления Александра Шабалина были прерваны монотонным гулом двух немецких бомбардировщиков, завывших на большой высоте.

„Вот ведь, если не подвезет, так на таком пустяке можно погибнуть“ — подумал Шабалин.

— Нет, опять нам везет, ребята! — вырвалось у него через одну-две минуты при виде того, как оба бомбардировщика с черной свастики на оперении и такими же крестами на фюзеляжах пошли в пике и оба друг за другом сбросили груз бомб на... свой немецкий бот!

Шабалин невольно сбавил ход катера.

— Вот это красиво! — удивился механик. — С чего бы это они нам-то помогают?

— В том-то и дело, что не помогают, а очевидно вредят, — подсказал боцман и сделал такой вывод: — В наш катер им все равно не угодить, а за свой бот они испугались, как бы нам не достался. Поэтому и бомбы на него ахнули.

— Вполне возможно, — согласился Шабалин и снова быстро пустил катер на сближение с немецким ботом.

Фашистские летчики немного промахнулись. Правда, осколком бомбы ими был убит капитан бота, старый немецкий офицер. Мотор бота неимоверно чихал, пуская синий дым из-под кормы. На бортах виднелись повреждения. На палубе стояли три перепуганных фрица. Двое из них разделись и махали белыми нательными рубашками, давая понять, что они согласны сдаться.

Хотя это было вполне ясно, иначе и быть не могло, все же Шабалин приказал боцману для острастки дать из пулемета очередь по борту бота и над головами немцев.

— Пусть прилягут или спустятся в трюм, — пояснил Шабалин боцману.

Немцы оказались догадливыми — все трое плашмя легли на палубу. Торпедный катер пришвартовал к борту бота. Немцы, сдав оружие, с поднятыми вверх руками, послушно перешли на катер, все трое, сжавшись в один комок, присели

в углу кормовой части. Один из мотористов направил на них автомат и сказал по-русски:

— Ну, теперь прошу не шевелиться...

Немцы и это поняли.

Шабалин осмотрел бот. Бот оказался тяжелым и неуклюжим, к тому же, поврежденный, потерял свой ход; буксировать за катером — далеко и рискованно.

— Жалко расставаться, но ничего не поделаешь, придется потопить, — решил после минутного раздумья Шабалин, — нам его не дотянуть до базы.

В трюмах бота были сложены в деревянных ящиках части каких-то тяжелых машин и приборы; груз, как видно, представлял для немцев ценность и перебрасывался с никелевых разработок на немецкие предприятия в глубокий тыл.

Цистерна бензина, разлитая на палубе бота, и брошенная зажженная спичка в одно мгновение превратили бот в горящий факел. Бот горел и медленно погружался в море.

Пленных доставили на базу. Они хорошо знали фарватер в фиордах северной Норвегии, знали расположение немецких минных заграждений и еще кое-что. Это были на редкость ценные „языки“; чуть-чуть не загубленные немецкой авиацией, они были страшно обижены на своих летчиков и рассказывали на допросах без принуждения, с полной готовностью и охотой все, что знали.

Ценные сведения, добытые через пленных немецких матросов, пригодились Шабалину и береговой разведке.

Вскоре после этого случая два шабалинских катера ходили к берегам Норвегии и высаживали там наших разведчиков. Справившись со своей задачей, разведчики на резиновых шлюпках подходили к торпедным катерам, стоявшим в надёжном укрытии. Но о действиях нашей разведки быстро узнали в штабе немецкой флотилии. На перехват перегруженным торпедным катерам немцы выслали быстроходный миноносец и тральщик. Скорость хода катеров на этот раз уступала немецким судам, шедшим на сближение. Положение становилось опасным. Шабалин на своем только катере имел одну торпеду. Он осмеливается повернуть катер и выпустить торпеду по тральщику. Торпеда шла метко в цель, но взрыва не получилось. Тральщик сидел неглубоко. Торпеда прошла на несколько сантиметров ниже киля. Такая досадная оплошность с Шабалиным случилась впервые. Но был выигрыш во времени, и это несколько сглаживало про-

мах. Когда Шабалин развернулся для атаки, немецкий миноносец и тральщик в замешательстве, замедлив преследование за катерами, стали лавировать и уходить с курса в разные стороны. В это время второй катер, перегруженный разведчиками, успел далеко уйти и был уже вне опасности.

— Нет худа без добра!— облегченно сказал Шабалин.— Меня-то они не догонят...

Катер после выстрела торпедой ускоренным ходом зигзагами удалялся к своим берегам.

Немецкий миноносец и тральщик увязались за ним и десять долгих минут с хода обстреливали его из шести орудий. Иногда снаряды ложились так близко, что взрывной волной срывало пилотки с разведчиков. Команда катерников, привыкшая к подобным обстрелам, не особенно обращала на это внимание. Каждый был на своем месте и следил за исправностью механизмов сложной машины, работавшей с удвоенной скоростью. Шабалин, не оборачиваясь, стоял за штурвалом и мысленно ругал себя за то, что не догадался поставить горизонтальные рули торпеды так, чтобы она шла на глубине не больше одного метра. Тогда бы немецкий тральщик не плевался снарядами, а миноносец подбирал бы утопающих фрицев и кое-какие обломки тральщика.

Чорт поберит! Как досадно, что я взял глубоко. Торпеда зря пропала... Ну, ладно, за мной не останется. Наверстаю. Представится случай, постараюсь изловчиться и двумя торпедами поразить два судна“...

Катер все дальше и дальше уходил от преследовавшего миноносца. Тральщик уже отстал на такое расстояние, что снаряды его орудий стали ложиться далеко позади уходящего катера. Постепенно отставал и миноносец.

Разведчики почувствовали себя спокойно. Наконец, капитан немецкого миноносца, видя бесплодность своих стараний, повернул обратно.

Разведчики между собой рассуждали, не завидуя морской службе катерников:

— Ничего себе была бы уха, если бы хоть одно прямое попадание, и всем бы тогда нам какую, — говорил командир отряда, бывалый воин, несколько раз поцарапанный пулями и осколками.

— На море куда трудней воевать, чем на суше, — согласился с ним разведчик, прятавшийся от сильного встречного ветра за спину товарища. — На море тебе из-под обстрела

и притулиться некуда — кругом вода! Ни тебе кустика, ни ложбинки, ни бугорка. Действительно, или пан или пропал. Либо грудь в орденах, либо труп в волнах...

Разведчиков доставили к месту в срок и без потерь...

Через несколько дней опять пришлось Шабалину высаживать десант наших бойцов на норвежском побережье — близко от города Вардэ. Вышли тогда бойцы на шоссе около взморья ночью и устроили засаду. Не прошло и часа, как до слуха катерников донеслись частые разрывы ручных гранат и стрельба из автоматов. Из немецкого гарнизона с вышек засверкали лучи прожекторов. Во многих местах взвились и повисли в воздухе ракеты. Два торпедных катера, доставившие сюда разведчиков, вплотную прижались к берегу. Нужно было не обнаружить себя. Как никогда, Шабалин беспокоился за разведчиков, дравшихся на расстоянии не дальше километра от берега, беспокоился за команду двух катеров.

Когда над морем стали скрещиваться лучи прожекторов, десантникам оставалось как можно скорей завершить разведку боем и уходить пока целы. Иначе легко подвести себя под удар и лишить Северный флот геройских катеров с их боевыми моряками, дважды и трижды орденоносцами.

Всякое ожидание бывает томительно. Ожидание разведчиков, связавших себя боем на берегу, было не только томительным, но и рискованным. Шабалину приказано высидеть, а затем дожидаться разведчиков и независимо от результатов их операции доставить обратно.

А они задержались. На шоссе то ярко вспыхивали, то гасли фары грузовых автомашин. Красные, словно накаленные, носились веерами трассирующие пули. Прожекторы наблюдателей настижно гладили море лучами. Но море было пустынно.

Два катера с приглушенными моторами, готовые в любую минуту к отходу, стояли под навесом крутого берега.

Наконец, один за другим, гуськом, пригибаясь к бугристой земле, показались разведчики. Светя карманными фонарями у себя под ногами, они торопились к тому месту, где их ждали моряки шабалинского звена. Разведчики успели перебить не менее двадцати фрицев, уничтожили гранатами восемь грузовых машин и захватили четырех пленных.

Пустив над побережьем дымовую завесу, Шабалин повел катеры приглушенными моторами. Немецкие наблюдатели,

до этого так тщательно следившие за морем, стали крестить лучами прожекторов глубь побережья, полагая, что группа русских разведчиков где-то задержалась под укрытием скалистых сопок.

Оба катера спокойно уходили. Еще ни разу не было столь благополучного отхода...

На пути к базе находился остров Лилеэккерей. На острове, по сведениям, полученным от немецких матросов, снятых Шабалиным с бота, стоял маяк, на котором нес службу норвежец.

— А что, ребята, не прихватить ли нам того норвежца, поскольку он служит немцам? — обратился Шабалин к командиру разведотряда.

— Давайте попробуем, если толковый парень, то сопротивляться не будет, — сказал командир разведки.

Катер Шабалина незаметно подошел к острову с южной стороны. А через несколько минут одинокий маяк на Лилеэккерее опустел и перестал действовать. Наблюдатель с маяка, молодой норвежец, на самом деле оказался умным парнем. Он не только не стал сопротивляться, а обрядованно сдал оружие и чуть не приплясывая пошел на советский катер.

10. САМЫЙ УДАЧНЫЙ БОЙ

Да, это был самый удачный бой советских торпедных катеров с армадой немецких военных судов.

Наша авиация 22 декабря 1943 года обнаружила крупный конвой кораблей противника. Их было три транспорта, четыре тральщика, один миноносец, восемь сторожевых кораблей и десять сторожевых катеров.

Шабалин получил приказ рассчитать время и место встречи с караваном судов противника, внезапно атаковать и нанести врагу сокрушительный удар по его крупным кораблям.

Вышли для атаки пять катеров.

Стояла темная снежная ночь. Видимость плохая; на море шторм до пяти баллов. Для больших кораблей такой шторм не имеет значения, но для торпедных катеров это предел.

Шли катера втемную, без огней, ориентируясь по лучам прожекторов береговой охраны, показывавших приблизительно направление в сторону залива, куда должна была подойти армада немецких судов.

Холодный ветер обдавал брызгами суровые лица моряков, вышедших в такую пору на ответственное и опасное дело.

Подойти незамеченными вплотную к каравану не удалось. Осветительными снарядами противник обнаружил советские катеры. Но это не испугало хладнокровных и отважных катерников. В ту же минуту, как только противник обнаружил их, катеры по команде старшего водителя разъединились и пошли на полной скорости в атаку: три катера, в том числе и шабалинский, зашли со стороны берега; два катера, в том числе один новый, которым управлял старший лейтенант Русначенко, зашли со стороны моря. В армаде немецких кораблей возникло некоторое замешательство; сторожевые корабли суетливо бросились прикрывать транспортные суда. Немецкий миноносец, выскочивший вперед, двумя торпедами лейтенанта Пономарчука был взорван и, накренившись, быстро погрузился на дно моря. Александр Шабалин прорвался сквозь строй сторожевых катеров, врезался в гущу крупных кораблей, вооруженных артиллерией. Верный своему обещанию, он на этот раз двумя торпедами взорвал и потопил два военных корабля!

Лейтенант Холодный потопил груженный военным снаряжением транспорт. Четвертый катер, лейтенанта Димитрова, столкнулся с тральщиком и подорвал его. Катер и вся команда на нем при столкновении погибли вместе с потопленным тральщиком.

Командир катера Русначенко, не имевший достаточного боевого опыта, растерялся под обстрелом и перекрестными лучами прожекторов, в результате торпеды остались неизрасходованными — торпедные аппараты в самый нужный и острый момент отказались действовать.

Наконец, получив несколько пробоин, его катер с одним работающим мотором еле-еле ушел из-под обстрела и потянулся к базе, беспомощный, подбитый.

Три торпедных катера в послушных руках боевых морских офицеров Шабалина, Пономарчука и Холодного, блестяще поразив своими торпедами четыре вражеских корабля, теперь должны были вырваться из-под бешеного обстрела.

Ливень артиллерийского и пулеметного огня с двадцати судов противника обрушился на трех малюток.

Обстреливая из пулеметов палубы немецких судов, катеры метались из стороны в сторону. Немцы были не на

шутку рассержены. Однако реванш им не удался. Первым из окружения вырвался раненый Пономарчук. За ним вывел свой катер лейтенант Холодный. Несколько немецких сторожевиков напрасно пустились их преследовать. Последним, отвлекая на себя ярость противника, вывел из боя в полной исправности свой катер Шабалин.

Так кончился этот знаменательный налет наших катеров на немецкие суда.

Один за другим катеры, успешно выдержавшие неравный бой, обледеневшие в походе, пришвартовали к своей базе.

Командующий Северным флотом адмирал Головкин лично благодарил храбрых моряков. Все участники похода были представлены к наградам; многие из них повышены в званиях.

В феврале 1944 года капитан-лейтенант Шабалин за свои подвиги и, в частности, за уничтожение сразу двух немецких военных кораблей, — стал Героем Советского Союза.

11. КОГДА ВЫШИБАЛИ НЕМЦЕВ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

О Шабалине заговорили в центральных газетах и журналах. Заметки, очерки, фотоэтюды и даже стихи появились в печати о его боевой деятельности. Заслуженная слава росла и ширилась.

Корреспонденты не раз осаждали Шабалина, выпрашивали о боевых эпизодах; они стремились под внешним спокойствием героя обнаружить скрытые черты его характера. Но Шабалин — простой онежский парень, у него в натуре ничего нет скрытого, неясного, загадочного. Однажды репортер задал ему вопрос:

— Что должно, по вашему мнению, являться основным в человеке, который задумал стать героем?

Шабалин отвечал с улыбкой:

— Могу сказать: во-первых, чтобы стать героем, никогда не думай о том, что ты им можешь стать; во-вторых, взялся за дело, так люби его всей душой и знай это дело до самых мелочей, насквозь; в-третьих, если случилось вступить в драку с противником, по силе превосходящим тебя, так не дрогни, не трусь, не думай о смерти, а все на свете забудь и знай одно — как бы ловчее и неожиданнее нанести врагу удар, да по самому такому месту, чтоб у него глаза на лоб лезли; в-четвертых, пятых и так далее — самое глав

ное состоит в том, чтобы быть преданным общему делу, Родине, понимать, за что ты идешь, без страха жертвовать собой и побеждать...

— Меня вот называют в шутку или всерьез мастером торпедного удара, хозяином моря, лихим морским наездником, — говорил Шабалин людям, проявлявшим интерес к его деятельности. — Все мне это далось не даром, а через упорную учебу. И никогда и никому я не скажу, что я все знаю. Да, я неплохо знаю катер и его основное вооружение — торпеду. Но учение не знает пределов. Надо знать все виды катеров и торпед, какие только существуют на свете и какие будут вновь появляться. А то окажешься в положении вроде нашего Русначенки, который не смог использовать ни одной торпеды на доверенном ему катере. Значит, человек плохо освоил оружие. Отсюда растерянность и провал.

* * *

Война подходила к концу.

В южной части Карелии восстанавливались старые границы с Финляндией. На севере, в Заполярье, еще продолжали крепко сидеть немцы.

Наконец пришло время их вышибать с насиженных мест. По приказу Верховного Командования советские войска на севере двинулись в решительное наступление.

В эти долгожданные дни Александр Шабалин командовал группой торпедных катеров; вместе с подразделением на своем боевом катере он успешно высаживал десанты морской пехоты в тылу врага.

... Памятный день 12 октября 1944 года. Летчики Заполярья в этот день сбили и уничтожили на аэродромах противника сорок девять самолетов. Самоходная артиллерия и тяжелые танки сметали на своем пути долговременную оборону немцев. Но противник еще упирался, цепляясь за каждый выступ в скалах, стараясь сдержать наступательный порыв бойцов Красной Армии.

Вечером 12 октября Шабалину было приказано прорваться с подразделением катеров во вражеский порт Линхамари и высадить там десант морской пехоты. Командование Карельского фронта и Северного флота решило удары наземных и воздушных сил по врагу слить воедино с ударами отважных северных моряков.

Быстро морская пехота погрузилась на торпедные и сторожевые катеры.

В условленный час, по команде, суда с десантом двинулись к финским и норвежским берегам, занятым гитлеровцами. Наступала темная октябрьская ночь. Сквозь тонкие слои мутных облаков играли в небе первые сполохи северного сияния. Под небесным куполом колыхался, играя переживаниями нежных цветов, гигантский светящийся ковер, потом этот ковер быстро свертывался и превращался в сверкающий столб, который одним концом упирался где-то далеко в море, а другим, прорезая облака, уходил в небесную глубину и там исчезал. Постепенно столб бледнел, угасая. Становилось снова темно. И море, и небо, и ночь — все сливалось в крошечных потемках. За кормой шабалинского головного катера на определенном расстоянии в кильватер одно за другим шли все катеры подразделения, переполненные бойцами морской пехоты.

Опытному водителю катеров ночная темь не мешала правильно держать курс к чужим берегам, к порту Линахамарн. Наоборот, темная ночь служила верной и надёжной спутницей для него и для всех десантников.

И когда снова и снова из-за облачных тайников вспыхивали сполохи и, быстро разрастаясь лучистым веером, метались по поднебесью, словно благословляя русских моряков на подвиг ратный, то вряд ли кто из десантников рад был в ту пору этому чудесному демаскирующему зрелищу.

Вдали, на повороте влево, черной линией чуть-чуть заметно показался вражеский берег. Полоснули по морской поверхности немецкие прожекторы, и береговые батареи разразились общим гулом. Противник, обнаружив наши катеры, поставил огневую завесу. Шабалин умел маневрировать. Уклоняясь от прожекторных щупальцев, он сделал резкий поворот и плавающими дымовыми шашками прикрыл позади идущие катеры. Флот противника бездействовал, или вернее, в эту пору был занят эвакуацией и в здешних водах не подавал признаков своего нахождения.

Голубоватый свет осветительных снарядов мерцал уже далеко позади десантных катеров. И напрасно вражеские прожекторы поглаживали подернутое дымчатой пеленой море; бесцельно вздымались водяные столбы и сыпалась горохом шрапнель — десант моряков в полной сохранности стремительно летел вперед, приближаясь к берегу. Немцы пошли

на хитрость: видя, что высадка десанта советских моряков неизбежна, они по всей причальной линии порта Линахамари поставили мины замедленного действия, рассчитывая поднять на воздух причалы в тот момент, когда катеры пришвартовуются и десантники бросятся на штурм. Уловка не удалась: немецкая хитрость оказалась слабей русской смекалки. Да, причалы были взорваны, но эти взрывы не задели десантников. Морские пехотинцы высаживались там, где трудней, но зато безопасней была высадка. Катеры в этом месте не смогли подойти вплотную к берегу. Тонкие, зыбкие трапы не доставали с бортов до суши. При высадке все пехотинцы могли промокнуть в ледяной воде, а им предстояло в холодную октябрьскую ночь приступом идти на укрепленный вражий берег. Нашлись смелые, способные на любой подвиг краснофлотцы — Попов, Павлинов, Савицкий, Ефимов и многие другие (их фамилии упоминались в фронтовой газете). Спрыгнув с катеров в холодную воду, они приняли трапы на свои плечи и простояли в воде до тех пор, пока последний автоматчик не сбежал на скользкий берег Линахамари.

Высадив первую группу десантников, подразделение катеров Героя Советского Союза капитан-лейтенанта Шабалина в эту полярную ночь возвращалось на ближние базы за следующей группой морской пехоты. И еще и еще отважные шабалинцы успешно, без потерь, завершили не одну такую же операцию.

Смелым и неожиданным большой силы ударом в эту ночь моряки заняли в тылу немецких войск порт и населенные пункты на побережье вблизи Линахамари. Немцы, бросая убитых и оружие, уходили в глубь своей обороны и на единственном шоссе, ведущем в их тыл, всюду натакивались на засады словно появившихся из-под земли морских пехотинцев. Удачная высадка десанта способствовала быстрому занятию Петсамо и освобождению от немцев всей области — Печенги.

15 октября Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин в своем приказе объявил благодарность доблестным войскам Карельского фронта, кораблям и частям Северного флота, участвовавшим в боях за освобождение Петсамо.

Это был радостный, незабываемый день — день крупной победы в труднейших условиях Заполярья.

А через неделю наши войска, вышвырнув немцев из советского Заполярья, вступили на норвежскую землю и заняли портовый город Киркенэс. Гитлеровцы поспешно уходили на юг Норвегии.

Роль северных краснофлотцев в десантных операциях была исключительно серьезной. Все моряки — от адмирала до рядового матроса — действовали с величайшим подъемом, бесстрашием и воодушевлением.

Александр Шабалин делал свое дело мастерски, руководил подразделением катеров по заброске и высадке десантов в тыл врага. Никто, как он, не знал финских и норвежских фиордов и побережий. Знание условий местности, умение маневрировать и подавать личный пример храбрости и находчивости своим подчиненным неизменно обеспечивали полный успех всех шабалинских операций.

5 ноября Михаил Иванович Калинин подписал указ, в котором сказано:

„За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза, наградить второй медалью „Золотая Звезда“ капитан - лейтенанта
АЛЕКСАНДРА ОСИПОВИЧА ШАБАЛИНА.

Соорудить бронзовый бюст и установить на постаменте на родине награжденного“.

12. И СКАЗКИ РАССКАЖУТ И ПЕСНИ СПОЮТ...

7 ноября 1944 года мне пришлось быть в Мурманске. Война в Заполярье была победоносно завершена. Остатки немецких войск, преследуемые Советской армией, отступали вглубь Норвегии.

Северный флот совершил последние десантные операции. Многие моряки праздновали победу в Мурманске. Город скромно нарядился. Впервые за годы войны появились красные флаги и лозунги на учреждениях, расположенных в полуразрушенных домах с забитыми фанерой окнами. Серый день. Снежная крупа покрыла улицы. В порту стояли десятки морских судов наших и „иностранцев“. Гремели лебедки разгрузочных машин.

В тот же день, под конвоем наших автоматчиков, в качестве пленных немцам „удалось вступить“ в Мурманск. Их захватили в различных пунктах Заполярья, в Петсамо, в Титовке и Западной Лице, в Какури, Луостари и у Трифоновского монастыря.

В темнозеленых оборванных шинелях, беспоясые, с поднятыми воротниками, в разогнутых, сдвинутых на глаза пилотках, пряча от холода руки в рукава шинелей и мундиров, они проходили городом. Молчаливые и злые на свою судьбу, они шли, тупо глядя себе под ноги. Редко кто из них, будто украдкой, глядел по сторонам.

С особым презрением смотрели на пленных фрицев мурманские женщины, лишившиеся крова.

А немцы топали по мостовым железными подковами тяжелых ботинок, уходили к перекрестку, где смыкалось пять улиц, и здесь расходились под конвоем группами — кто в санпропускник, чтобы смести с себя окопных вшей, кто в продпункт, чтобы чем-то заполнить отощавшие желудки...

В эту Октябрьскую годовщину в городе еще не было многолюдной традиционной демонстрации. Мурманск еще считался прифронтовым городом и хотя немецкие войска удирали через Норвегию, осадное положение в Мурманске сохранялось впредь до особого распоряжения. Но было уже ясно, что конец гитлеровской Германии близится.

Фронт сократился от Заполярья до Восточной Пруссии. Наши пушки гремели за границей. Наши танки бороздили немецкую землю. Близость победы окрыляла людей, придавала силу и уверенность в борьбе против фашизма.

Оправдывались слова великого Сталина:

— Будет и на нашей улице праздник...

Праздник приближался. Сегодня это заметно по радостным лицам мурманских жителей, начавших понемногу привыкать к... отсутствию воздушных тревог.

Но что это? О демонстрации не объявлено, город числится на положении прифронтового, а уже где-то в стороне залива слышится музыка духового оркестра и стройными рядами, в бескозырках, с вьющимися на ветру ленточками, в черных бушлатах, с начищенными до золотого блеска пуговицами шагают моряки Северного флота. Они идут, как выразился бы Блок, державным шагом, идут и поют веселую песню.

Товарищам на славу.
А недругам на страх.
Споём о наших храбрых
Торпедных катерах.
В семью морских героев
В семью богатырей
Не ая вошли лихие
Наездники морей...

разносятся дружные слова моряков, поднимающихся от причалов в гору, к разветвлению городских улиц. В передних рядах идут музыканты, белеют хоботы металлических труб, издающих бодрые звуки. На минуту музыка замирает, слышится чей-то соловьиный посвист, и чистый, звучный голос завершает припевкой первый куплет песни:

У торпедных кораблей
Славная работа.
Бей, торпеда, не жалей
Вражеского флота.

Взгляды, полные чувства благодарности, провожают прибывших в Мурманск моряков.

...Как ветер, катер мчится.
Не боится мин,
Торпеды наготове,
Не дрогнет Шабалин.
Враги палят из пушек,
Врагов бросает в дрожь,
Шабалин решает:
„Потопим, не уйдешь!..“

И снова звуки флейты и залихватский посвист, и бойкий припев голосистого запевалы разносится над колонной моряков.

Все вместе подхватывают опять:

Кипит седая пена,
Как длинные усы,
Важны в атаке дерзкой
Секунды, не часы.
Стрелой пронесся катер,
Торпеды в цель пошли,
В огне и в дыме вражьи
Взлетают корабли!..
И эх! Как у наших кораблей,
Славная работа.
Бей, торпеда, не жалей
Вражеского флота...

— Правое плечо вперед! Прямо! — командует старший офицер с золотыми погонами и двумя просветами на них. Колонна моряков сворачивает на Сталинский проспект. За ними растет и растет толпа любопытных. Жизнерадостные ребята, как везде и всегда в таких случаях, чуть не вприпрыжку бегут за отважными моряками, хозяевами Баренцова моря. О, как бы они хотели быть на их месте, в этих бушлатах и бескозырках и в широких брюках и чтобы пуговицы бушлатов сверкали в сумрачном мурманском холодке вот так же, как сверкают на веселых, отпущенных на праздник погулять моряках.

А песня отважных и оттуда, из-за поворота, что ведет к Межрейсовому клубу, доносится до ушей, проникает в глубину души:

Молнией над морем
Летают катера,
Водят их герои,
Победы мастера.
Наездники морские
Врага жестоко бьют.
И вспененные волны
О славе их поют...

Вечером гуляли моряки в клубе. Они заслуженно отмечали победу советских войск в Заполярье. Было шумно. Старый морской командир, сам будучи навеселе, ходил промеж столиков, грозил пальцем морякам, молодым славным ребятам, шутливо приговаривая:

— Смотрите, больше двухсот граммов на брата не пить. Концерт будет.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан второго ранга, и концерт послушаем, и носом в берег не ударим, — отшучивались краснофлотцы.

После сытного и веселого ужина заботливый командир объявил:

— Товарищи! Прошу в концертный зал. Специальная, заполярная морская программа. Там про вас и сказки расскажут и песни споют, потому что все вы — славные, заслуженные, достойные пропевания молодцы. Добро пожаловать!..

* * *

... Александр Шабалин не был в эту пору в Мурманске на вечере-концерте, специально устроенном для моряков. Он находился на базе. И здесь был митинг и торжество победы.

Боевые товарищи и друзья собрались поздравить Александра Осиповича. Многие выступали, говорили приятные слова. Шабалин стоял тихий, смущенный, искоса поглядывал на свой портрет, наскоро написанный фронтовым художником и вывешенный на видном месте.

Портрет ему казался что-то слишком прихорошенным.

— Ох, и любят поговорить, — сказал Шабалин стоявшему с ним рядом товарищу, так как желающих выступить на митинге нашлось много. Сосед молча шевелил губами, он тоже готовился к выступлению.

„Раз обо мне говорят, — продолжал думать Шабалин, — значит потребуется и мне выступить. Что же я скажу?“ — Не привыкший произносить речи, Шабалин задумался:

„Такой праздник. Победа. Октябрьская годовщина... Жаль, что нет сейчас здесь со мной отца Осипа Захаровича, нет старушки матери Марины Сергеевны. Слушали, наверно, по радио обо мне... Жаль, что нет со мной на этом вечере Вари с Генькой. То-то было бы им всем радостно...“

Председествовавший на митинге секретарь парторганизации предоставил Шабалину слово.

Александр Осипович, волнуясь, подался вперед из первых рядов и, повернувшись лицом к собравшимся, сказал:

— Я хочу, чтобы наш народ, правительство, чтобы товарищ Сталин знали: все что надобно — сделаем!..

* * *

Кончилась великая Отечественная война.

„Наше дело правое, мы победили“ — золотом светятся сталинские слова на медали „За победу над Германией“.

Народ залечивает раны, нанесенные войной.

Народ через годы сталинских пятилеток уверенной поступью идет к коммунизму.

У нашего государства обширные границы, сухопутные и морские.

Шабалинские катеры на посту. Они несут свою вахту. Александр Осипович командует подразделением. Он учит молодежь, передает им в мирной будничной обстановке свой богатый опыт борьбы с немецкими захватчиками.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Начало биографии	4
2. На военной службе	9
3. В первые дни Отечественной войны	16
4. Снова в Заполярье	20
5. Встречи с противником	22
6. Праздничный подарок Родине	29
7. Восемьдесят пробов!	32
8. Совместно с грузином Колотиём	35
9. Будничные дела	41
10. Самый удачный бой	47
11. Когда вышибали немцев из Заполярья	49
12. И сказки расскажут и песни споют	53